
В зоопарке
Батчер Джим

В зоопарке
Джим Батчер

Аннотация
Джим Батчер. В зоопарке

Аннотация

Гарри, его дочь Мэгги и его собака Мыш пытаются провести день в зоопарке, но каждый из них сталкивается со сверхъестественной угрозой — молодой колдун для Гарри, стая привидений для Мэгги и нападение на Мыша, которое организовывает его собственный брат.

История в стиле Расёмон, поочередно рассказываемая с отдельной точки зрения каждого персонажа.

Джим Батчер
В зоопарке

Предисловие автора.

Я и не собирался делать из Гарри отца.

То есть я уже расставил определённые вехи в будущей истории. Я знал, что хочу, чтобы в «Переменах» план плохих парней грозил Дрездену уничтожением, а он отвечал бы соответственно. Основной мотивацией для Гарри стало бы спасение собственного ребёнка — особенно потому, что он сам в детстве был сиротой и никто не пришёл ему на помощь. Вот это всё, запечённое под корочкой моего неосознанного убеждения, что Гарри, разумеется, спасёт своего ребёнка. Пусть и неуклюже, будучи ещё молодым магом, не слишком аккуратно, отчаянно и сумбурно, и где-то здесь, я уверен, должна быть ещё фраза «случайные жертвы», но Дрезден в конце концов всегда выходит победителем.

Но я так и не остановился подумать над последствиями того факта, что Гарри станет одержим мыслью помочь своей девочке, и что он спасёт её жизнь. Я видел два и два, но не смог их сложить и получить четыре: Мэгги должна была остаться, присутствовать в далеко идущей истории, и он наверняка захотел бы стать частью её жизни. А значит, мой тёртый калач,

детектив-волшебник, которому не везёт в любви, должен был ещё и стать отцом.

А это, само собой, с ног на голову переворачивает всю жизнь человека. Совсем другими становятся его приоритеты.

И этого явно, явно не стоит допускать, когда пишешь длинную серию книг. Нельзя кардинально изменить главного героя и не потерять при этом часть аудитории.

Проще и надёжнее всего было оставить Мэгги с Карпентерами или забросить её в церковную программу защиты свидетелей сверхъестественного — и так вполне себе мог поступить волшебник, может быть, даже во благо ребёнка. Но чем дольше я писал, тем больше понимал, что даже так Дрезден всё равно не сможет остаться Дрезденом. Он слишком сильно верит в долг отца, как видно из рассказа про Бигфута, по той плате, которую он просит у Силы Реки в Плечах.

Так что персонажу суждено было измениться, так или иначе. Я выбрал тот путь, который ему как человеку был бы ближе.

Гарри теперь папа. Может, опыта в этом деле у него и маловато, но по крайней мере у него наготове парочка шуток на этот счёт.

В зоопарке.

Меня зовут Гарри Дрезден. Возможно, я один из самых опасных волшебников наших дней, и я ещё ни разу не был папой на целый день.

Немногие воспоминания, которые остались у меня об отце, очень туманны. Он был хорошим человеком, добрым, но умер раньше, чем я пошёл в школу. Иногда мне трудно понять, что это на самом деле: мои воспоминания или просто истории, которые я сам себе рассказывал всю свою жизнь.

В общем, мне не с кого брать пример отцовского мастерства. Человек, который по большей части меня воспитал, был чудовищем с наклонностями садиста, а когда появился мой дед Эбенизер, он больше проверял на целостность мою психику, чем занимался моим воспитанием.

К тому же, вряд ли отравленному гневом, угрюмому, одарённому магией подростку нужен тот же отец, что и десятилетней девочке. И вообще я не думаю, что хоть когда-то разговаривал с десятилетними девочками. Я и сам не девочка.

Я был совершенно потерян и знал наверняка лишь одно: я очень, очень хотел, чтобы всё прошло как надо.

Мэгги шла рядом, на каждый мой шаг ей нужно было примерно три своих. Она была крохотным ребёнком, по росту и весу меньше всех, с кем училась в школе, что раньше, что теперь, бледная, темноволосая, с невероятными тёмными глазами. На ней были фиолетовые штаны и бежевая футболка с рисунком, который копировал постер Звёздных Войн, но в стиле самураев периода Эдо, а её ботинки на ходу мигали красными огоньками.

Рядом с ней трусила гранитно-серая гора мышц и мягкого меха по кличке Мыш. Мыш был настоящим Храмовым Стражем, собакой Фу. Он весил где-то 250 фунтов[1], а мех у него на шее и на плечах своей длиной походил на гриву. Он был одет в красный нейлоновый жилет, который давал ему право называться служебной собакой, и шагал так аккуратно, будто каждый свой шаг боялся наступить на цыплёнка. Одна маленькая ручка Мэгги зарылась в его гриву; она смотрела куда-то вниз.

— Значит, ты первый раз идёшь в зоопарк? — спросил я.

Мэгги помотала головой и глазами просле-

---

[1] Примечания: 1

— 115 кг. — здесь и далее *прим. пер.*

дила за пожилой парой, которая прошла мимо по тротуару. Она дождалась, когда они будут в нескольких ярдах позади[2], и тихо ответила:

— Тётя Молли один раз меня водила, но было слишком много людей и неба, так что я заплакала.

Я кивнул. Моя дочь видела нехорошие вещи. Это не прошло бесследно.

— Так бывает, ничего страшного.

— Тётя Молли тоже так сказала, — ответила Мэгги. — Я была маленькой.

Весеннее полуденное солнце выглянуло из-за облаков на секунду, и моя тень поглотила её и место ещё на пять или десять таких же девочек.

— Да, наверно, дело было в этом, — сказал я. — Но мы можем уйти, когда захочешь.

Она подняла на меня глаза, показав на минуту своё задумчивое личико. Она была самым красивым ребёнком изо всех, что я видел, но все думают так о своих детях.

Может, все они правы.

— Я хочу увидеть горилл, — наконец сказала она. — Мыш тоже.

Мыш помотал хвостом в знак согласия и по-

---

[2] Примечания: 2
Ярд — 0.9 метра.

смотрел на меня, по-собачьи ухмыльнувшись.

— Ладно, — сказал я у входа в зоопарк. — Сделаем это.

Мэгги ещё секунду смотрела на меня и нахмурилась, прежде чем сказать:

— Ты волнуешься?

— Почему ты так решила? — спросил я.

Она посмотрела вниз и пожала плечами:

— Не знаю. Я волнуюсь. Я ещё не была в зоопарке с папой. Вдруг я сделаю что-нибудь не так?

Я почувствовал лёгкий укол у себя в груди и прокашлялся. Умный ребёнок.

— Думаю, здесь нельзя сделать что-то так или не так.

— А вдруг… не знаю. Вдруг я что-нибудь подожгу?

— Тогда мы пожарим пастилу, — сказал я.

Она не засмеялась и не подняла лица, но её щёчки округлились, потому что она улыбнулась:

— Ты странный.

— Немного, — сказал я. — Ты не против?

— Ещё не знаю. Наверно, — она ближе придвинулась к Мышу. Он вряд ли почувствовал бы её вес, даже если бы она ехала на нём верхом. — Ты правда спас горилл от монстра?

— Да, можно и так сказать, — ответил я.

Там было три ведьмы, и я спас гориллу от наказания за убийство, которое совершила одна из них. Несколько человек погибло. Но это была слишком мрачная и сложная тема для разговора на моей первой прогулке с дочерью.

Мэгги кивнула серьёзно:

— Значит, ты любишь животных. Как и я.

— Люблю.

— Даже динозавров?

— Особенно динозавров. И собакозавров.

— Гав, — сказал польщённый Мыш.

Я наклонился над Мэгги, потрепал его меховой загривок.

Шумные дети в форме частной школы гурьбой двинулись ко входу, и Мэгги вздрогнула и закрылась в себе, дожидаясь, пока они пройдут мимо. Потом она мрачно посмотрела на зоопарк, глядя на мир глазами взрослого человека, которому очень нужна была чашка кофе. Она вздохнула, расправила плечи и сказала:

— Ладно. Пошли посмотрим на животных.

И мы пошли.

В своих загонах звери смотрелись весьма и весьма хорошо. Выдры играли с невероятным пылом. Тигры бродили туда и обратно у самой кромки загона. Один из белых медведей поднялся

на задние лапы, а малайский медведь оживлённо раздирал на части бревно, когда мы проходили мимо. Я бы решил, что они специально устроили представление, если бы не знал кое-чего ещё.

Мэгги была очарована, её личико растягивалось в одной тихой улыбке за другой, пусть она почти не отходила от пса, оставаясь с ним в физическом контакте.

Лев правда зарычал, этот звук потряс воздух и заставил несколько человек быстро отступить на пару шагов назад. Но не Мэгги. Она вздрагивала каждый раз, когда кто-то проходил слишком близко, но льва рассматривала горящими глазами, пока он заканчивал своё послание и потрясал гривой с ленивой царственностью.

— Потрясающе, — сказала она потом, и её улыбка была как лучик солнца.

— Угу, — сказал я. — Потрясающе.

Львиный рёв — это уже перебор. Не могли все звери вот так разом оживиться без вмешательства извне, и я тут точно не при чём. Я с некоторым подозрением сверлил глазами Мыша.

Пёс это заметил, и его пасть широко открылась в бесхитростной собачьей ухмылке, он счастливо дышал и вилял хвостом. Я приподнял бровь, глядя на него, и покачал головой. У этого чудища

был запас таинственной и полезной магии, но в покер он не смог бы выиграть и партии, даже если бы его жизнь стояла на кону.

Поняли? Собака. Играет в покер. Эта шутка — произведение искусства.

Юмор у меня, может быть, так себе, зато свои вкусы я знаю отлично.

Мы как раз шли смотреть на горилл, когда сегодняшний день решил: пора усложнить мне жизнь.

Сначала я почувствовал россыпь мерцающих точек у себя на лбу. Будто моль, которая своими трепещущим крылышками касается горящей лампы — постоянное трепетание то там, то тут, и почему-то с собой оно принесло смятение, раздражение и страх. На моей шее сзади волоски встали дыбом, и, оглядевшись, я увидел как минимум трёх человек, озадаченных неисправностью своей электроники.

Магия витала в воздухе — и это была не моя магия.

— Эм… Папа? — позвала меня Мэгги.

Я посмотрел не неё. Она глядела на меня, слегка озадаченная. Потом я увидел, как её глаза округлились с внезапным пониманием, и она встала так, чтобы с одной стороны был Мыш, а

с другой — я:

— Что-то нехорошее случилось?

Я почувствовал, как железные обручи стиснули мои плечи. Этот день должен был пройти отлично — отец и дочь вместе, и Мэгги знает, что она мне дороже всего на свете.

Бог судья, мы слишком долго были порознь.

Меньше всего я хотел дать ей повод думать, что работа для меня важнее неё. Но в то же время, у волшебников не бывает строгого рабочего графика. Или страховки у зубного. И ещё один неприятный момент — чувство морального долга делать правильные вещи могло неожиданно улетучиться из-за связанных с работой неудобств.

— Может быть, — сказал я. Я посмотрел на неё: — Может и нет. Не знаю. Нужно пойти узнать, что случилось. А сначала нужно отвести тебя в безопасность.

Мэгги смотрела в одну точку перед собой и жевала нижнюю губу:

— Это важно, да?

— Может быть, — ответил я. Я кивнул в сторону кафе, которое было в зоопарке. — Давай займём столик и закажем что-нибудь перекусить? Вы с Мышем посидите там, а я схожу, всё проверю и вернусь, не успеет ещё еда приготовиться.

Руки Мэгги крепче стиснули шею пса. Она посмотрела на него, потом на меня и решительно кивнула своим маленьким подбородком:

— Да. Я не против.

— А ты как, Мыш? — спросил я. — Сможешь хорошо себя вести рядом с едой?

Моя собака смотрела на парк с выражением, которое можно было бы назвать задумчивой печалью, будь мы героями мультфильма. Он наполовину скулил и наполовину грохотал где-то в глубине своей груди.

— Что, мальчик, беда? — спросил я.

Нет, это были не избитые фразы. Мыш лучше меня чувствовал опасность и не раз это доказывал.

Он таращился так минуту, потом медленно выдохнул и поднял глаза на меня. Его уши встали торчком, он вилял хвостом. Я решил, что это значило «всё в порядке».

— Ладно, — сказал я и погрозил ему пальцем. — Будь молодцом.

— Гав, — сказал Мыш.

— Он всегда молодец, — сказала Мэгги и поцеловала его в ухо. Для этого ей пришлось совсем чуть-чуть нагнуться, и он любезно подставил голову.

— Хорошо, — сказал я.

Мы сели за столик в кафе, я заказал картошку фри и оставил Мэгги двадцатку на вторую порцию, если ей будет нужно. Убедился, что ей удобно, усадил Мыша у её ног и быстрым шагом вышел, осторожно включая свои магические чувства.

Магия — живая сила, у неё есть дыхание, но ничто не заставляет её бурлить и завихряться так, как это делают люди, а особенно их чувства. В зависимости от эмоции и её силы магия может трепетать и пульсировать, как мембраны динамиков на рок-концерте, сильно резонируя с чувствами тех, кто с рождения может это ощутить. Таких людей куда больше, чем кажется: те, кому вдруг становится не по себе в лесу, те, кто чувствуют угрозу, исходящую от тёмного паркинга, те, кого нечто, витающее в воздухе, заставляет насторожиться и безо всякой причины вдруг перебежать дорогу — чаще всего у них есть дар чувствовать. Если они доверятся инстинктам, то могут избежать кучи неприятностей.

Например, приложив чуточку усилий, я мог почувствовать мощное, неприятное беспокойство, идущее откуда-то справа, с одной из аллей парка. На моих глазах полдюжины людей прижалось к

одной стороне дороги, видимо, чего-то избегая, либо просто передумало идти в ту сторону. Инстинкты их не подвели.

Мои инстинкты постоянно закатывают глаза от решений моего мозга. Я решительно направился прямо к неприятной энергии, нарываясь на беду.

Её я отыскал где-то в пятидесяти ярдах[3], в самой тенистой части аллеи, где парковые деревья, кусты и стены различных построек и загонов окружали скопление тени, которому не полагалось быть настолько тёмным.

Молодой парень в чёрной кофте с капюшоном стоял в тени, глубоко засунув руки в карманы. Воздух вокруг него пульсировал злостью и страхом на грани паники. В воздухе вокруг него барабанной дробью стучали напряжение и энергия куда большие, чем положено излучать хлипкому смертному. Он был худым, и пусть в профиль я видел лишь кусочек его лица, прыщи всё равно бросались в глаза.

Звёзды и камни.

Колдун.

Магия у молодых людей, можно сказать, сама собой вырывается на сцену, когда они обнаружи-

---

[3] Примечания: 3
— 45.7 метра.

вают в своём распоряжении способности и силы, которые будто бы вышли прямиком из книжек для детей. В лучшем случае весть об этом приходит в Белый Совет, а он отправляет кого-нибудь обучать это юное дарование и следить, чтобы оно никому не навредило.

Так получалось слишком редко, и из года в год всё реже и реже. С ростом населения всё больше одарённых детей открывали в себе способности, и возможно, трёхсотлетние маги у руля Белого Совета… не слишком быстро адаптировались к изменениям, которые происходили среди смертных. Когда эти дети просачивались сквозь (всё растущие) трещины в системе, их способности могли открыться пугающим, даже жестоким способом, и часто настолько, что они вынуждены были бежать из дома и от общества. Потом им приходилось одновременно выживать и справляться со своими способностями.

Многие из них пользовались даром самым худшим способом. Непростительным способом. Таких детей звали колдунами, и Совет избавлялся от них жёстко, с концами.

Я смотрел на парня какое-то время.

Я был этим парнем какое-то время.

Потом я сделал необычную для себя вещь: за-

крыл глаза и ушёл.

— Что там было? — спросила Мэгги, когда я вернулся. Она волновалась и немного ёрзала на стуле.

Я спорил сам с собой, нужно ли мне смягчать углы. На сегодня ей явно было достаточно переживаний. Но… Я уже давно практикую волшебство, и эти годы показали мне, какими последствиями оборачивается неведение близких мне людей, когда я пытаюсь что-то замолчать ради их же собственного блага.

Я посмотрел в её искреннее, открытое личико и огромные глаза.

Да.

Нет смысла начинать общение с дочерью с давно избитых ошибок.

— Колдун, — тихо сказал я. — Молодой волшебник, который не контролирует свои силы. Опасный.

Её глаза расширились:

— Вы дрались, оно и ты?

— Он, — ответил я. — Нет.

— Почему? — спросила она.

— Потому что обычно они никому не хотят зла, — сказал я. — Они не понимают, что с ними происходит. Никто не объяснил им, что будет,

если нарушить правила.

— Это несправедливо, — сказала Мэгги.

— Нет, — ответил я. — Но это не значит, что они не опасны.

— А ты знаешь, как помочь?

— Иногда, — тихо сказал я. — Не уверен.

Она взяла ломтик картошки и окунула его в гору горчицы. Не кетчупа.

В смысле?

Она задумчиво слизала горчицу с картошки и сказала:

— Но с тобой я.

— Да, — сказал я. — И ты для меня важнее.

Она бросила быстрый взгляд в мои глаза и немного улыбнулась. Потом она сказала:

— Силы просто к ним приходят?

Я кивнул:

— С самого рождения.

Она снова кивнула и спросила:

— Я получу эти силы?

— Может быть, — ответил я. — Нельзя узнать точно.

— Странно, — сказала она.

Она отдала картошку Мышу, а тот её слопал. Она взяла ещё одну, обмакнула её в горчицу и заново начала, судя по всему, хорошо отработан-

ный цикл.

— Если они появятся, ты будешь меня учить? Чтобы никто не пострадал?

— Если захочешь, — сказал я.

Она жевала губу, с большим интересом рассматривая свои пальцы:

— Если… с тобой что-то случится, кто меня научит?

Невидимый боксёр вмазал мне по животу.

— Со мной ничего не случится, — сказал я.

— Может и случится, — тихо сказала Мэгги.

Взрослые нотки прозвучали в её голосе на эти три слова. Слишком взрослые из уст такой крошечной девчушки.

— И возможно, никого не окажется рядом. Может, я стану колдуном.

Я сделал глубокий вдох. Она видела, как убили её приёмную семью. Ужасным способом. Возможно, видела вещи ещё хуже. Она знала, каким иногда бывает этот мир. Наверно, она знала о вещах похуже, чем тот парень в чёрной кофте.

— Может быть, — сказал я.

— На его месте могла быть я, — она несколько раз кивнула сама себе и вдохнула глубоко, так, будто хотела задержать дыхание. Потом подняла глаза на меня. — Я могу поесть ещё картошки

фри. Мыш составит мне компанию.

— Ты уверена? — спросил я. — Этот день… он может закончиться быстро.

— Если кому-то нужна помощь, ты им помогаешь, — просто сказала Мэгги. — Даже если будет трудно. Так тётя Молли говорила мне о тебе.

Её глаза искали, изучали. Клянусь, она меня анализировала, пристально следила за моей реакцией. Такая молодая, а сколько цинизма.

Наверно, это у неё от матери.

— Да, — сказал я, чувствуя, как моё лицо растягивается в улыбке. — Да. Это правда.

Я вернулся на тёмную аллею быстрым шагом. Колдуны чертовски опасны. Они могут, даже не осознавая, что делают, всё своё рвение направить к чёрной магии, а это разлагает их психику и вызывает зависимость. Колдун под действием чёрной магии делает такие вещи, что потом они являются в кошмарах криминалистам и психологам. Не всегда они слетают с катушек, но чаще всего. Когда люди в таком состоянии вдруг оказываются лицом к лицу со Стражами Белого Совета, они редко сдаются тихо и без боя.

Я помнил, как за мной пришли Стражи. Жуткие ребята. Не будь я тогда сильно вымотан, стал бы ещё одним колдуном, убитым при сопротивле-

нии аресту.

Возможно, парень был опасным чудовищем. Чистая злоба, которую он излучал, вполне убедительно говорила в пользу этого предположения.

А возможно, он был просто испуганным мальчиком.

Я молча подошёл к нему, — звук моих шагов был отчётливо слышен — прокашлялся и сказал:

— Привет.

Парень в капюшоне повернулся, бросил на меня быстрый взгляд и тут же рыкнул:

— Пошёл прочь.

В его голосе звучала магия, скрытая сила, которая ударила меня по ушам так, что мне захотелось по-солдатски оторвать от земли ногу, развернуться на каблуках и пойти другой дорогой.

Это было не самое логичное желание. Я отвёл его защитным жестом пальцев левой руки.

— Ого, парень, — ответил я. — Скажи это лучше туристам. У меня к тебе разговор.

Я тут же привлёк его внимание. Его спина напряглась, и он резко повернулся ко мне, ткань у него на плечах натянулась. Он был не слишком высоким, пять или шесть футов[4], а плечи у него

---

[4] Примечания: 4
150–180 см.

так сошлись и сгорбились, что это было почти смешно.

Я чуть заметно придвинулся ближе и бедром прислонился к ограде в паре футов[5] от него, сложив руки на груди:

— Когда это произошло? Год назад? Полтора?

Он насторожился и равномерно распределил вес своего тела, будто дикий зверь, который ждёт движения, чтобы узнать, куда ему броситься бежать. Глазами он упёрся в центр моей груди.

— Кто ты?

— Тот, с кем случилось то же самое, — ответил я. — Однажды что-то изменилось, и всё стало как-то странно. Я подумал, что чокнулся. Мои учителя тоже.

— Ты коп? — спросил парень, его голос вдруг сделался резким.

— Типа того, — сказал я.

— Я ничего не сделал, — сказал он.

Я издал короткий лающий смешок:

— Ого, так себе из тебя лгунишка. Кому нечего скрывать, тот об этом и не треплется.

Он покраснел и помрачнел одновременно:

— Следи за языком, придурок.

---

[5] Примечания: 5
Фут — ~0.3 метра.

— А то что? — спросил я.

— А то плохо тебе придётся.

— Неа, — сказал я. — Это вряд ли.

Парень сильно разозлился. Он так стиснул зубы, что парочка могла бы и треснуть. Его кулаки сжались с громким хрустом.

В это время воздух сгустился, его давление стало ощутимым и ещё более угрожающим; по моей коже словно пробежала волна, будто кто-то вдруг вырвал длинный кусок ткани из моих синих джинсов. Потом что-то зашумело в кустах, и по шее у меня побежали мурашки. Я тут же расставил ноги чуть шире.

Помните, я говорил про инстинкты? Мои сказали мне, что что-то опасное явилось в мир.

Парень вдруг зашатался и упал на колени, тяжело дыша. Потом он поднял голову, его широко открытые глаза метались вперёд и назад:

— Нет, — выдохнул он. — Нет же, нет, нет, нет.

— Батюшки святы, — пробормотал я, пока ко мне приходило осознание.

У парня был сильный талант к магии, а ещё — дар призывателя. Магия большей частью творится в голове, и к несчастью всех тех, кому приходится иметь с нами, людьми, дело, человеческие головы — потёмки, да ещё в них случаются

конфликты. Много чего в них происходит, многое там не так-то легко заметить, над многим мы не властны.

Подсознание парня в капюшоне собрало вместе все злобу и страх, которые он чувствовал, и выбросило их носиться снаружи, будто маяк спиритической энергии; маяк, который привлёк чьё-то внимание в мире духов — существа, ступившего в тень аллеи.

В мире духов живёт бесконечное множество потусторонних созданий — но я решил сделать смелое предположение, что это существо не травкой питалось.

— Прямо здесь? В парке? — потребовал я у колдуна ответа с лёгкой истерикой в голосе. — Адские колокола, пацан.

Парень в капюшоне таращился на меня испуганными, ошеломлёнными глазами. Колокольчик, в который он позвонил, позвав существо обедать, отнял у него много сил.

— Я не хотел. Это само выходит, — его глаза округлились. — Тебе нужно бежать. Беги!

— Урок первый, — сказал я. Я отступил от парня на пару шагов и глазами поискал что-то в густой зелени, больше полагаясь на свои магические ощущения, чем на зрение или слух. — Если бе-

жать от проблем, они обычно не решаются.

— Ты не понимаешь, — пролепетал он. — Оно идёт. Идёт за тобой.

— Это ты не понял, парень, — ответил я. — Я…

Потом было второе предупреждение, ну или уже не второе. Оно явилось из-под полога листвы, держалось самой глубокой тени. Оно вырвалось из темноты и выбило почву из-под ног парня в капюшоне, пробежав мимо. Перед взором у меня мелькнули сильные ноги, фигура росомахи; голова слишком широкая, не похожая ни на одну голову в этом мире; извивающийся чешуйчатый хвост; и зубы крокодила. Оно прошло мимо парня и направилось прямо ко мне, бросаясь к моему горлу.

В этот момент я уже двигался. Я махнул рукой, начертив вертикальную линию, удерживая пальцы неподвижными и жёсткими, словно когти, сообщая им свою волю и выкрикивая:

— Aparturum!

Мои пальцы на лету разомкнули реальность, разрывая завесу между миром смертных и миром духов. Яростное нечто из Небывальщины, мира духов, испустило резкий, короткий непонимающий вопль, проскочив прямо в отверстие, из мира смертных вновь оказавшись в мире по ту

сторону.

— Instaurabos! — прокричал я и хлёстким движением опустил руку к нижней стороне разрыва, поворачивая свою волю вспять и запечатывая дыру, прежде чем злобное маленькое создание повернулось бы и выскочило обратно. Я чувствовал, как «нормальность» устремилась обратно к бреши, чтобы её запечатать, и как голодный дух едва заметно стучал в эту дверь с протестом, осознав себя вновь оторванным от мира смертных.

Пару секунд спустя тени сделались не такими густыми, и солнце вышло из-за облаков, заливая аллею золотыми волнами.

Парень в капюшоне сидел на земле там, где упал, глядя на меня молча и с отвисшей челюстью.

Я подошёл к нему и опустился на корточки, руками опёршись о колени.

— Как я уже говорил, — сказал я, — ты кое-чего не понял, парень. Я к такому готов. Я волшебник, — я предложил ему руку.

Он её принял, и мы вместе поднялись на ноги. Он сразу отстранился и бросил хмурый взгляд — но не совсем на меня.

— Чего ты хочешь?

— Поговорить, — ответил я.

— А если я не хочу с тобой говорить?

— Значит, тебе и не придётся.

На лице у него отразилась настороженность:

— Я могу просто уйти?

— Конечно, — сказал я.

Мы стояли достаточно близко, чтобы я мог почувствовать, чем парень пахнет. Он давно не мылся. Одежду, судя по её виду, он не менял уже какое-то время. Ботинки были ему малы и износились. Я сделал жест в сторону того места, где исчез демон, которого он нечаянно призвал:

— Но как у тебя обычно обстоят дела вот с этим?

— Всё нормально, — сказал он.

Его голос надломился посреди фразы. Он отвёл глаза в сторону.

— Что ж, не буду навязывать свою помощь. Хочешь есть? — спросил я.

Это был весьма надёжный козырь в разговоре. Дети хотят есть примерно девяносто пять процентов времени.

— Нет, — солгал он кислым тоном.

— Тут есть кафе, до него идти меньше двух минут. Там моя дочь и моя собака едят картошку фри. Но я бы сейчас просто зверски расправился с бургером. А ты как?

Парень в капюшоне ничего не ответил. Люди понемногу возвращались на аллею, и обыкновенный мир понемногу утверждался здесь, всё увереннее.

— Слушай, я, можно сказать, коп, — сказал я, — просто не совсем обычный. Для особенных вещей. Как сейчас.

Он переминался с ноги на ногу.

— В общем, — сказал я. — Давай поедим. Может, поговорим немного. Ты, должно быть, уже устал сам со всем этим разбираться.

После этих слов он опустил голову, чтобы я не видел, как он плачет.

— Я Гарри, — сказал я и протянул ему руку.

Он посмотрел на мою руку, потом на меня и выдул короткий смешок:

— Волшебник Гарри. Ты шутишь.

— Неа, — сказал я.

Я посмотрел на него и приподнял одну бровь вопросительно.

— А, э. Остин, — сказал колдун Остин. Ему было примерно тринадцать с половиной.

— Привет, Остин, — сказал я так мягко, как только мог. — Приятно познакомиться. Слушай, ты видел местных горилл?

* * *

Привет. Меня зовут Мэгги Дрезден.

Мой папа в общем неплохой, ещё бы побольше следил за своими монстрами. Но он не виноват, я так думаю, раз он взрослый, а взрослые часто ужасно глупые в некоторых вопросах. Особенно когда дело касается страшил.

Взрослые толстокожие до крайности в вопросе о страшилах.

Обычно их немного на улице в солнечный день, но сейчас они были повсюду. Пожилая пара, на которой уселись беглеры[6], прошла мимо нас. Не знаю, как их зовут на самом деле. Мы с Мышем на ходу придумали им своё имя. Но у них над головами висели маленькие простыни, как пара старых грязных бумажных пакетов — прозрачных, если хорошо приглядеться. Беглеры были не такими опасными, как многие страшилы. У меня была теория, что они просто питались энергией мозга тех людей, которые слишком много говорили о политике, и заставляли их говорить о политике ещё чаще, потому что больше от них почти ничего было не услышать. Просто присмотритесь:

---

[6] Примечания: 6
От bagler — картошка фри, которая выпала из пачки.

при первом случае люди с беглерами начинают обсуждать политику.

Казалось бы, и взрослые могут быть интересными с каким-нибудь психо-монстром, съедающим их лица, но нет. Вот так вот.

— Значит, ты первый раз идёшь в зоопарк? — спросил мой папа.

Мой папа на вид жутковатый, пока не узнаешь его поближе. Он выше всех, кого я знаю, со шрамами, тёмными волосами и мускулистый. Правда, его мышцы длинные и тягучие, но было видно, что он сильный. Ещё он был волшебником. В смысле, многие не верят в волшебство и монстров, и отсюда уже понятно, что большинство людей — глупые. Он был весьма неглупым для взрослого. И в общем я ему нравилась. Иногда это было видно: когда он говорил со мной, смотрел на меня.

Мне это очень нравилось.

Я дождалась, пока парочка с беглерами отойдёт подальше, чтобы они не могли нас услышать, — просто из принципа — и потом сказала:

— Тётя Молли один раз меня водила, но было слишком много людей и неба, и я заплакала.

Мне интересно было узнать, что он об этом подумает. Мой папа сражается с плохими людьми

и с монстрами, это его работа. Мне не хотелось, чтобы он считал меня трусихой.

То есть мы с ним только начали общаться. Но иногда вокруг становится очень, очень громко, или творится суматоха и всё движется слишком быстро, так что я совсем теряюсь. Хорошо, когда со мной Мыш. Мыш всегда понимал, когда мир вокруг делался слишком большим, и помогал мне с этим справиться.

Видимо, мой отец какое-то время думал над своими словами, прежде чем сказал:

— Так бывает, ничего страшного.

— Тётя Молли тоже так сказала, — ответила я.

С той же короткой паузой перед ответом. Мне очень не хотелось, чтобы он считал меня ненормальной. Я нормальная. Просто иногда было очень, очень трудно сдержать крики и слёзы. Я чуть поубавила шаг, чтобы оказаться у него в тени, где было темнее и прохладнее. В Чикаго летом жарко.

— Я была маленькой.

— Да, наверно, дело было в этом, — сказал он.

Мне нравился его голос, как он грохотал у него в груди. Его приятно было слушать. Когда он читал мне, этот голос звучал так, что казалось, будто он может так же ровно говорить всю ночь.

— Но мы можем уйти, когда захочешь.

Я посмотрела на него. Правда можно? Потому что день становился ярче, громче и ослепительнее с каждой минутой. Шум вокруг так сильно бил мне по ушам, что хотелось просто заткнуть их пальцами, закрыть глаза и уйти от этого мира.

Но сегодня был мой первый день вместе с папой. Мы делали это в первый раз. Карпентеры очень, очень хорошо ко мне отнеслись и дали мне дом. Я их любила. Но они не мой папа.

Мы с ним наверняка пошли бы куда-нибудь ещё, если бы я попросила. Но мне не хотелось, чтобы он думал, что я малышка, которая не может даже в зоопарк сходить.

Мыш, который всегда шёл рядом, придвинулся на пару дюймов[7] ближе, подбадривая меня. Краем глаза я видела, как его пасть открылась в ободряющей собачьей улыбке, и его хвост стучал по моей спине, когда он им вилял.

Мой папа был сильным. Может, и я смогу быть сильной.

— Я хочу увидеть горилл, — сказала я. — Мыш тоже.

Мыш махал хвостом ещё быстрее и улыбался

---

[7] Примечания: 7
На 5 см.

моему папе.

Он улыбнулся мне. Улыбка действительно его преобразила. Он, вроде как, стал больше похож на папу.

— Ладно, — сказал он. — Сделаем это.

Он произнёс это тем же тоном, каким солдаты говорят «начать операцию» в фильмах, а его глаза принялись бегать, осмотрев всё вокруг нас и в кронах ближайших деревьев где-то за секунду, будто высматривали монстра, чтобы его подорвать. Думаю, он даже не заметил, как это сделал.

Мой папа уже давно сражался с нехорошими существами. Он видел, как с людьми случались плохие вещи. Тётя Молли говорит, что такие вещи оставляют раны, но их нельзя увидеть. Примерно как взрослые не видят страшил. Но она сказала, что он на них не жаловался, и они не могли помешать ему помогать людям. Даже если это было очень, очень тяжело.

Как, например, быть рядом со мной.

Я пытаюсь быть хорошей. Но когда всё вокруг становится слишком большим, трудно делать вообще хоть что-то. Другие дети обычно меня сторонятся. Даже если временами у меня выходит завести друзей, они не могут меня понять.

Может, он тоже не поймёт. У него и так трудная работа. Может, быть моим папой будет слишком тяжело.

— Ты волнуешься? — услышала я свой вопрос.

Он моргнул:

— Почему ты так решила?

Он так на меня смотрел, что было видно — я ему нравлюсь. В такие моменты я не могла не отвести взгляд. Вдруг он передумает?

Всё может измениться. Так быстро.

— Не знаю, — сказала я. — Я волнуюсь. Я ещё не была в зоопарке с папой. Вдруг я сделаю что-нибудь не так?

Ещё секунду он шёл рядом со мной, а потом я почувствовала, как его пальцы нежно коснулись моих волос:

— Думаю, здесь нельзя сделать что-то так или не так.

И я бы согласилась, но я слишком боялась превратиться в полную дуру, если всё станет слишком большим и шумным.

— А вдруг… Не знаю. Вдруг я что-нибудь подожгу?

— Тогда мы пожарим пастилу, — сказал он.

Это по-дурацки звучало из уст взрослого, но мне было приятно это услышать.

— Ты странный.

Мыш прислонился ко мне и тихонько фыркнул, как он обычно делает, когда смеётся. Ему явно было весело, правда, мне кажется, он тоже был слегка смущён. Наверно, потому что рядом был Папа, а он очень, очень любил Папу. Папа спас его от монстра, когда он был щенком, и потом Мыш вырос и помогал Папе сражаться с монстрами, а потом Папа сделал его моим стражем.

У Мыша отлично получалось. Большинство страшил меня не беспокоило — а старый гадкий подкроватный монстр, который решил переехать жить под мою постель, надолго запомнил, что не стоит связываться с Мэгги и Мышем Дрезденами.

Папа говорил о горилле, которую когда-то спас, и наклонился надо мной, чтобы приласкать Мыша, когда мы едва не вошли прямо в стаю вселёнышей.

Они вселились в толпу детей, и это было видно по их глазам — полностью чёрным, без капли цвета, без единого проблеска, без ничего. Только эти полые, пустые дыры, в которых ничто хотело засосать тебя внутрь и потом смотреть, как ты бессильно кружишься там и кричишь. Дети шли так, будто они все были хорошо воспитанными

учениками из какого-то пансионата — но я видела, как их глаза резко остановились на мне, примерно дюжина из них. Они таращились на меня, и в их распоряжении была ужасная сила. Я вдруг вспомнила последний свой кошмар, не только образ в деталях, но ещё и те чувства, которые я тогда испытала, и мои ноги стали подгибаться подо мной.

Папа и Мыш смотрели друг на друга и не видели, как вселёныши глядели на меня добрую секунду, пока шли мимо. Я чувствовала каждый взгляд и знала, что они значили.

Вселёныши выбрали меня своей жертвой.

О, чудесно. Только этого мне и не хватало.

Я сложила руки на животе и стала медленно, глубоко дышать, чтобы шарики у меня, возможно, не так сильно заехали за ролики. Папа не мог увидеть вселёнышей. Почти не мог на них подействовать. Но они могли ему навредить, а он не понял бы даже, что случилось.

Я, в общем, была уверена, что, наверно, идти в зоопарк с толпой голодных страшил-наваждений было так себе затеей. Вселёныши могли быть опасны, если не знать, как с ними справиться — что само по себе уже не значило ничего хорошего.

Я бросила на него быстрый взгляд. Он смотрел на меня с тем же участием, с каким смотрят взрослые, прежде чем отнести меня в тёмную, тихую комнату. Мне нужно было только слово сказать, и он бы так и поступил. Там было бы безопасно и тихо.

И на этом закончился бы наш первый настоящий день вдвоём.

Дурацкие вселёныши. Дурацкие страшилы-вселёныши.

Я не собиралась взять и позволить их дурацким рожам испортить день моему папе.

Я сама с ними разберусь.

Но сначала я пойду посмотрю на мегаклёвых зверушек. Вернее, Мыш жульничал, как всегда. Он собака Фу, и у него есть куча странных сил. Большинство из них говорит монстрам отвалить, и они отваливают, но ещё с ним всё всегда проще. Когда ты с Мышем в ресторане и хочешь есть, там всегда будет место, а у тебя — хороший официант. В рекламе по телевизору крутят трейлеры хороших фильмов. У мультиков попадаются смешные эпизоды. Идёшь играть в аркады — рядом очень вежливые люди. В школе это не работает, потому что там Мыш не жульничает, но за её пределами он делает всё лучше, чем могло бы быть.

Никто этого не замечал, и пусть. Только Мыш видел, когда мне нужны были его большие пушистые обнимашки.

Мыш использовал свою силу, чтобы зоопарк стал ещё круче. Все звери были мегаклёвыми. Выдры бегали и игрались, а обезьяны качались и кричали, даже лев рычал для нас, когда мы шли мимо.

Если бы не вселёныши, всё было бы идеально.

Они преследовали меня. То есть не наступали мне на пятки, ничего такого, но они разделились на пары, и кто-то из них всегда был в тридцати-сорока ярдах от нас, следил за мной и таращился.

Постоянно, постоянно таращился.

Этим и занимались вселёныши. Они тебя преследовали, иногда многими днями, таращились, и их глаза заставляли тебя вспоминать нехорошие вещи. Если это продлится слишком долго, ты рухнешь под той тяжестью, что на тебя навалилась — а когда встанешь, у тебя будут большие чёрные глаза, и вселёныш будет говорить тебе, что делать.

Я хотела рассказать о них папе, но… может, он хороший и волшебник, но ещё он взрослый. Если будешь рассказывать взрослым о вещах, которые они не могут видеть, то, скажем так, ловить свет-

лячков в сумерках тебе уже вряд ли разрешат.

И ещё.

Вдруг он думал, что я та самая? Травмированная. Вдруг ему не нужна была дочка со всякой ерундой в голове?

Так что я молча шла рядом с Мышем. Вселёныши не смели приближаться, если он был рядом. Мыш в общем-то замечал страшил, если они были недалеко и не настолько осторожны, чтобы их было ни услышать, ни увидеть. Да, он взрослый, но он собака, поэтому в целом он как ребёнок. Пока что они держались на расстоянии, чтобы он их не увидел; так далеко от нас их Взгляд-Бояться-Велят мог только слегка рассердить — и потрясный зоопарк в каком-то роде сводил этот эффект на нет.

Может, сегодня всё будет нормально.

А потом голова моего папы поднялась, словно Мыш, когда он чует жидкость для розжига в доме Карпентеров, и его глаза забегали по сторонам, будто он был большим голодным медведем и искал, что бы ему растерзать.

— Эм. Папа? — спросила я.

Он посмотрел на меня и уже не был похож на папу. Он будто бы был героем-мстителем из фильма — весь в напряжении, настороже и может

быть даже немного злой.

Ой.

Ой-ой-ой. Где-то должен быть монстр или что-то ещё, раз он так переменился. Я никого не видела, но на всякий случай встала между Мышем и папой, прежде чем спросила:

— Что-то нехорошее случилось?

Он отвернулся, и маленькие мускулы у него над челюстью несколько раз подпрыгнули. Возможно, я его разозлила. Вряд ли. Вроде бы я ничего такого не сделала.

Но я не всегда замечала это за собой.

— Может быть, — наконец ответил он. Он посмотрел на меня, и на минутку его лицо стало чуть нежнее. — Может и нет. Не знаю. Нужно пойти узнать, что случилось. А сначала нужно отвести тебя в безопасность.

Иногда в безопасных местах было хорошо и безопасно, а иногда это была комната с дверью на замке. Он думал, у меня сейчас будет приступ, или что? Или это просто осторожность.

Взрослые всегда осторожны.

Но откуда мне было знать, какая из догадок верная?

— Это важно, да? — спросила я.

Папа не смог бы понять, что я хотела у него

узнать.

— Может быть, — сказал он. Он кивнул в сторону кафе, которое было в зоопарке. — Давай займём столик и закажем что-нибудь перекусить? Вы с Мышем посидите там, а я схожу, всё проверю и вернусь, не успеет ещё еда приготовиться.

Мне нужны были большие пушистые объятия, и Мыш был рядом. Я обняла его и задумалась. Если он хотел остаться, а не увести меня куда-нибудь, тогда он, наверно, не собирался ничего со мной делать. Так что, наверно. Может быть, всё хорошо.

Но я останусь сама по себе, со страшилами на каждом шагу.

Ну что же. Это мои проблемы. И со мной был Мыш. С Мышем всегда проще.

Я подняла глаза на папу и кивнула:

— Да. Я не против.

— А ты как, Мыш? — спросил он. — Сможешь хорошо себя вести рядом с едой?

Мыш смотрел на парк, будто пытался увидеть что-то скрытое от его взора. Я была уверена, что он знает о страшилах рядом, но он их не трогал, если они не трогали меня. Он наполовину скулил и наполовину грохотал где-то в своей груди.

— Что, мальчик, беда? — спросил мой папа.

Видите, мой папа далеко не дурак. Взрослые в большинстве своём будут объяснять вам, насколько собаки ограничены и какие они несмышлёные. Мыш ходит со мной в школу с самого моего детства и читает лучше меня. Если он думает, что может быть беда, только глупый не придаст этому значения, а мой папа не глупый.

Мыш таращился так несколько секунд, потом медленно выдохнул и взглянул на папу. Его уши встали торчком, он вилял хвостом.

Папа решил, что это значило «всё в порядке»:

— Ладно, — сказал он и погрозил Мышу пальцем. — Будь молодцом.

— Гав, — ответил Мыш.

— Он всегда молодец, — сказала я и поцеловала его в ухо. — Нам придётся прижучить этих вселёнышей, пока не будет папы, Мыш, — прошептала я. — Очень аккуратно, ладно? Папе есть о чём волноваться.

Мыш издал звук, который я почувствовала где-то у него в шее, но не могла услышать. Я обняла его чуть сильнее и отпустила.

— Хорошо, — сказал папа.

Он занял нам в кафе места, чудесным образом ещё пустые — молодчина, Мыш. Он купил мне

картошку фри и дал купюру в двадцать долларов.

— Это на еду, если захочешь ещё.

— Хорошо, — сказала я.

Я уже проголодалась, и картошка вкусно пахла.

— Не уходи, пока я не вернусь. Ладно?

Я кивнула, и он вышел. Зря на нём не было его плаща. Он развевался бы у него за спиной, как у Бэтмена. От джинс и старой футболки со «Звёздным крейсером „Галактика“» впечатление было совсем не то.

Я съела где-то три ломтика, когда стул напротив меня заскрипел по полу и на него уселся вселёныш.

Он выглядел как девочка, примерно на год старше и намного больше меня. У неё были светлые волосы, миленькая форма и глаза, похожие на открытый космос.

— Ты никому не нравишься, — сказал вселёныш. — Ребят в школе заставляют сидеть с тобой за партой.

Мыш зарычал, и солонка на столе задрожала.

Я пыталась не обращать на него внимания. Они все так делали. Таращилась на тебя и читали все твои самые гадкие воспоминания, как комиксы.

Потом говорили о них тебе.

— Ты никому не нравишься, — повторил вселёныш. — Ты странная. Ты другая.

Я чувствовала, как уже собирался с силами Мыш, но не могла позволить ему драться. В глазах людей вокруг нас это было бы нападение огромного пса на маленькую девочку, которая ничем его не провоцировала. Очень неприятный поворот событий. Так что я положила ногу ему на голову и надавила на неё так сильно, как только могла. Она почти не шелохнулась, но я почувствовала, как он чуть-чуть расслабился. Мыш хороший пёс.

— Ты сходишь с ума, — сказал вселёныш. — Никто не хочет с тобой дружить. Никто не хочет с тобой играть. Даже звать тебя по имени.

Я сильнее посолила картошку. Даже слишком сильно. Часть соли попала мне на другую руку.

— Лучше тебе остаться одной. Тогда никому не придётся тебя терпеть, — сказал вселёныш.

Я посмотрела в его пустые глаза и сказала:

— Я знаю, что ты такое. Даю тебе последний шанс уйти и мучить кого-нибудь другого. Или пожалеешь.

— Тебе не кажется, что лучше тебе будет уйти? Туда, где безопасно? — спокойным голосом спро-

сил вселёныш. — Туда, где ты не сможешь себе навредить, когда станешь…

Я перебила его, швырнув соль в его чёрные, пустые глаза.

Страшилы в основном не любят соль. Не спрашивайте, почему. Потому что.

Вселёныш дёрнулся назад с такой силой, что упал со стула. Он не издал ни звука, но тело, которое он занял, дрожало и дёргалось судорожно, напрягшись всеми мускулами. Мне было немного стыдно. Девочка была не виновата, что ей завладели вселёныши. Она, наверно, даже не понимала, почему делает и говорит такие вещи.

— Вымой глаза, — посоветовала я вселёнышу. — Где-нибудь ещё.

Страшила встал, слёзы текли по его лишённому эмоций лицу. Секунду он таращился на меня, — всё красное вокруг чёрных глаз — а потом побежал в женский туалет.

Мыш снова зарычал, встал и принялся безустанно вертеться около моего стула.

— Эй, — сказала я. — Место. Всё хорошо. Они есть в Книге. Я знаю, как с ними быть.

Мыш издал сердитый звук. Он тоже читал Книгу. Её начала Молли, а потом выросла и всё забыла, её младшие братья и сёстры тоже там

писали. Гарри Карпентер, можно сказать, мой старший брат, отдал её мне, когда в доме появился подкроватный монстр.

Мыш не хуже меня знал, что мне нужно делать. Ему это просто не нравилось.

— Может, они от меня теперь отвяжутся, — сказала я. — Пошли. Мне нужна горчица.

Я набрала горчицы: с ней картошка лучше всего. Мы начали есть, и Мыш немного успокоился. В вопросах волнений он был весьма практичен — он не волнуется, если рядом хорошая еда и любимые люди.

Мой папа вернулся через несколько минут как будто… постаревший. Он уже не казался злым, просто очень, очень усталым. Он попробовал улыбнуться мне, но на улыбку это было не похоже.

— Что там было? — спросила я у него.

За спиной у папы открылась дверь туалета. Одержимая девочка вышла оттуда с каплями воды, стекающими по не вытертому лицу. Она посмотрела на меня косо, и сила этого взгляда заставила меня вспомнить запах, нечто из самых мрачных моих снов. Что-то гнилое и металлическое, и я вдруг почувствовала, как мой живот словно бы принялся делать сальто, пусть я не

двигалась с места.

Потом вселёныш вышел на улицу и просто остановился, не глядя на меня.

Остальные стали подплывать к ней по одному и парами, пока все вместе не встали молча в круг, глядя друг на друга. Никто ничего не сказал. Возможно, вселёныши просто думают друг с другом или вроде того.

Я перестала обращать внимание и посмотрела на задумчивого папу.

— Колдун, — сказал он тихо секунду спустя. — Молодой волшебник, который не контролирует свои силы. Опасный.

Тётя Молли рассказывала мне про колдунов. Просто кошмар.

— Вы дрались, оно и ты?

— Он, — ответил папа. — Нет.

— Почему?

— Потому что обычно они никому не хотят зла, — сказал он.

Он не говорил со мной как с ребёнком, как некоторые взрослые. С детьми они говорят по-другому. Мой папа говорил так, как он говорит со всеми.

— Они не понимают, что с ними происходит. Никто не объяснил им, что будет, если нарушить

правила.

— Это несправедливо, — сказала я.

— Нет, — ответил он и сказал грустно: — Но это не значит, что они не опасны.

— А ты знаешь, как помочь?

— Иногда, — очень тихо сказал он. — Не уверен.

Я задумчиво поделилась картошкой с Мышем. Мой папа всегда помогал колдунам. Тётя Молли была колдуном, а папа ей помог. И я поняла, что он и теперь бросился бы на помощь, но…

— Но с тобой я, — сказала я.

— Да, — ответил он. — И ты для меня важнее.

Эти слова отозвались теплом где-то внутри меня.

— Силы просто к ним приходят?

Он кивнул:

— Да, с самого рождения.

Как к папе и к тёте Молли. И возможно, однажды и ко мне. По крайней мере, так сказала мне тётя Молли.

— Я получу эти силы?

— Может быть, — сказал он. — Нельзя узнать точно.

Он говорил честно, как учитель о Джордже Вашингтоне. Я попробовала представить, как он

ведёт урок, разве что в костюме учителя. Представить было совсем не трудно.

— Странно, — сказала я. Я отдала ломтик картошки Мышу, тот его слопал, а я взяла следующий. — Если они появятся, ты будешь меня учить? Чтобы никто не пострадал?

— Если захочешь, — сказал он.

Он не сказал, что хочет меня учить. Но он, видимо, имел в виду, что не станет, если я не захочу. Как такое вообще может быть. Правда, на самом деле это возможно. Эта мысль заставила мой живот сделать ещё пару оборотов.

— Если… с тобой что-то случится, кто меня научит?

— Со мной ничего не случится, — сказал он.

— Может и случится, — тихо ответила я ему.

Потому что могло случиться. У него была опасная работа.

— И возможно, никого не окажется рядом. Может, я стану колдуном.

Он посмотрел на меня и сделал глубокий вдох. Наверно, он думал, что мне сказать: правду или детскую версию правды.

— Может быть, — наконец сказал он.

— На его месте могла быть я.

Краем глаза я наблюдала, как переглянулись

вселёныши и все как один повернулись, уставившись на меня. Бе. Это было мерзко.

Этому парню-колдуну нужна была помощь. А мне нужно было разобраться с вселёнышами, пока они снова не принялись мучить меня или кого-нибудь ещё, например, папу. Так будет правильно. Пусть и очень страшно.

Так бы поступил мой папа. Наверно. Мы же с ним только встретились.

— Я могу поесть ещё картошки фри, — сказала я ему. — Мыш составит мне компанию.

Он моргнул, словно удивился.

— Ты уверена? — спросил он. — Этот день… он может закончиться быстро.

— Если кому-то нужна помощь, ты им помогаешь, — сказала я. — Даже если будет трудно. Так тётя Молли говорила мне о тебе.

Ведь что если тётя Молли сказала мне детскую версию правды о моём папе? Вдруг он был не таким хорошим человеком, как она мне говорила? Вдруг ему не нужна была дочь с проблемами? С которой тяжело?

Но он посмотрел на меня, а потом улыбнулся, и мне вдруг стало тепло, будто у меня была вся горячая картошка фри в мире.

— Да, — сказал он, подмигивая мне и весело

постукивая костяшками пальцев по столу. — Да. Это правда.

Папа ушёл, и я сказала Мышу:

— Ты же знаешь, я должна. Тебе нельзя переходить черту.

Он издал тихий грустный звук и поцеловал меня в лицо своим большим липким языком.

— Фу, — сказала я и зарылась лицом в его мех. — Я тоже тебя люблю, Мыш.

Он загрохотал где-то у себя в груди и вздохнул. Его тело было напряжено, он переминался с ноги на ногу, будто хотел куда-то побежать и что-то сделать. Он хотел помочь, но не мог.

Я встала из-за стола и вышла из кафе, направив свой шаг прямо к застывшим в ожидании вселёнышам. Я сразу же обратилась к девочке:

— Эй ты, Рожа Внеземная.

Вселёныши все как один смотрели на меня своими пустыми глазами, и на секунду повсюду мне стали мерещиться скорченные тени, люди в агонии. Я не обратила на эти образы внимания, иначе мне было бы очень страшно. Я посмотрела в лицо каждому вселёнышу и сказала:

— Как же вы меня бесите. Пошли уже разберёмся.

И я развернулась и пошла, Мыш шёл рядыш-

ком.

Мгновение длилась удивлённая пауза, а потом вселёныши последовали за мной.

О вселёнышах Книга говорит предельно ясно. Они питаются страхом. Поэтому они вынимают на поверхность все твои забытые страхи. Для них это как горчица. Они заставляют тебя мариноваться в собственном страхе, а потом, когда ты будешь пропитан им до самых косточек, они вселяются в тебя и начинают питаться тобой, как мерзкие насекомые. И что с детьми, в которых забрались эти вселёныши? Вторженцы съедают их изнутри, откусывая по кусочку от их разума, заставляют их бояться постоянно. Когда внутри ничего уже не останется, они отправятся на поиски новой жертвы. Ребёнок очнётся, словно бы после кошмара, но в Книге сказано, что дети, которыми завладели вселёныши, уже никогда не вернутся в норму.

Дюжина детей с чёрными глазами шла за мной по пятам. Интересно, как это — когда в тебя разом вгрызается целая дюжина вселёнышей?

Наверно, очень страшно. Как кошмар, от которого не выходит очнуться.

В любом случае, в Книге сказано, что есть всего один способ справиться со страхом и лишь

один способ победить созданий, которые им питаются.

Встретить их лицом к лицу.

Ты идёшь, один, в самое тёмное и страшное место поблизости. Обязательно нужно быть одному, ты и только ты даёшь бой собственному страху. Должно быть жутко, потому что тебе придётся сразиться со страхом на его территории.

Иначе вселёныши просто… преследуют тебя. Без конца. Они будут грызть тебя, пока ты не грохнешься на землю, тихонько лопоча что-нибудь себе под нос.

Мыш шёл рядом со мной, глядя на вселёнышей позади, грива у него на шее и на плечах встала дыбом. Он не рычал, и в его позе было что-то мрачное и серьёзное.

Страшное место можно найти всегда; они повсюду — просто взрослые их не замечают. Одно из них я отыскала прямо в зоопарке, и мне пришлось пройти всего-то через две двери с надписью «Служебное помещение». По чистой случайности обе были не заперты.

Молодец, Мыш.

Так что уже через несколько минут я спустилась по простой служебной лестнице в подвал большого вольера с кошками и открыла дверь

на старую, старую, старую каменную лестницу, скользкую от воды, которая стекала в неосвещённые нижние подвальные помещения здания.

Перед самой лестницей я повернулась к Мышу и сказала:

— Не бойся. Всё под контролем.

Я была не совсем честна. Возможно, не всё было под контролем. Может быть, Книга ошибалась. Может, у меня начнётся приступ. Может, вселёныши просто меня побьют. Им хватит для этого рук.

Мыш, похоже, почувствовал мою неуверенность. Выражение его морды изменилось, и он повернулся кругом навстречу вселёнышам, которые меня преследовали, обнажая зубы и так загрохотав, как могут только очень старые машины и, возможно, трактора.

Вселёныши замерли, как вкопанные. Их лидер, девочка с лицом в полосочку от слёз, взглянула на него и усмехнулась.

— Страж, — сказала она. — Ты знаешь Закон. Это наше право.

Рычание Мыша стало ниже, медленно он подошёл к вселёнышу вплотную, почти заглянув ему в лицо. Его мех зашевелился, как это бывает, когда он светится, серебряно-голубые вспышки

мерцают на самых кончиках волосков.

Если вселёныш и был хоть каплю впечатлён, он этого не показал.

— Я знаю Закон. Должен знать и ты, — он указал пальцем мимо Мыша, на меня. — Это моя добыча. С дороги.

Мышу нельзя было вмешиваться. Иначе мне было не избавиться от этих пустых глаз.

— Мальчик, всё хорошо, — сказала я. — Всё под контролем.

Мыш посмотрел на меня, умолкая. Потом низко склонил передо мною голову. Он рысцой пробежал мимо вселёнышей — толкнув парочку своими широкими плечами, так, что они зашатались — ко входу в этот подвал и присел, готовый ждать.

Все взгляды обратились ко мне.

Я сделала глубокий вдох и вынула из кармана свой телефон. Он был выключен, потому что я гуляла с папой, а волшебники ломают телефоны, просто не так на них посмотрев, если в них течёт ток. Когда они выключены, всё вроде бы в порядке. Я его включила, дождалась, чтобы дурацкий экран с яблочком исчез, и зажгла фонарик.

Потом я спустилась по лестнице в черноту, и вселёныши последовали за мной.

Я оказалась в комнате в конце лестницы. Это было большое открытое помещение с кучей старых пыльных машин. Здесь пахло плесенью. Пахло ужасно. Повсюду угрожающе легли тени. Свет моего фонарика замерцал в маленьких глазках у самой земли, за пределами светлого круга. Наверно, это были крысы.

Свет немного дрожал. Я боялась.

Это был дурной знак. Если я боялась, а они ещё даже не начали, может, я сломаюсь. Может, я просто рухну на пол и расплачусь. Может, они завладеют мной. Может, я просто вернусь в зоопарк с чёрными глазами, а папа этого даже не увидит. Я просто начну слетать с катушек, и все подумают, что со мной то самое. Что мне стало хуже. И им придётся держать меня в безопасном месте.

Я вздрогнула.

Потом я развернулась и лицом к лицу встретила лидера вселёнышей.

Лицо-В-Полосочку стояла примерно в шести дюймах позади. На моих глазах её рот исказился, показывая зубы, и на улыбку это походило не больше, чем зубы тиранозавра Сью из музея[8]. Её глаза зияли чернотой, будто отверстия в черепе.

---

[8] Примечания: 8
Скелет динозавра в музее Чикаго.

Остальные вселёныши обошли нас и заключили в круг, они стояли на расстоянии вытянутой руки от меня. Их глаза стали темнее, сделались громадными, а потом…

А потом…

…я стояла на кухне дома, который я узнала, но не могла вспомнить.

Работал телевизор. Там шла Улица Сезам, но на испанском — меня научили на нём говорить. Я знала его до сих пор, но мой мозг не сразу его понимал; это как переключать передачи на велосипеде. Элмо говорил про буквы.

Я подняла глаза наверх и увидела очень добрую женщину с тёмными волосами, чьё имя никак не могла вспомнить. Когда я с ней жила, я была очень маленькой. Она напевала что-то себе под нос и готовила печенье или что-то похожее, и она отвлеклась, чтобы улыбнуться мне и сказать, что я хорошая девочка.

Вошёл её муж, он что-то говорил тревожным голосом. Она уронила ложку, торопливо отодвинула миску, в которой что-то мешала, и взяла меня на руки.

В этот момент вошли вампиры. Не совсем человеческие силуэты в чёрных накидках, плащах и тряпье. Они вопили нечеловеческими голосами,

пока в прыжке рассекали воздух, и я слышала выстрел за мгновение до того, как муж доброй женщины закричал, и воздух наполнился запахом металла, а добрая женщина закричала и прижала меня к себе.

— Я знаю, — громко и решительно сказала я. — За мной пришла Красная Коллегия. Они убили мою приёмную семью. Это было ужасно.

Кухня внезапно исчезла, и я стояла, наполовину согнувшись, упираясь руками в колени и тяжело дыша. Свет моего телефона показал мне армию лаковых туфель.

Я подняла наверх гневный взгляд и сказала:

— В тот день со мной ничего не случилось. Пострадали другие. Поищите что-нибудь получше.

Лицо-В-Полоску долгую секунду смотрела на меня, а потом сказала:

— Эту семью ты тоже потеряешь. Ты всегда их теряешь.

Мне стало труднее дышать. Мои мысли побежали так быстро, что я никак не могла удержать их в узде.

Нет.

Нет, нет. У меня начался приступ.

Лицо-В-Полосочку приблизилась ко мне, с какой-то жадностью подавшись вперёд своим

телом:

— Твой отец хочет как лучше. Но он умрёт. Ты видела его шрамы. Однажды ему не повезёт или он совершит ошибку и умрёт. Ты останешься одна.

Мне стало тесно в груди. Я не могла дышать. Я слышала, как изо рта у меня вырывались эти дурацкие звуки, как у маленьких деток, и всё в моих глазах расплылось от слёз. Казалось, кто-то стучит по моему сердцу молотком, бом, бом, бом.

— Карпентеры могли погибнуть точно так же, как твоя первая семья. Ужасно. Заливаясь криком. Из-за тебя.

— Хватит, — пыталась сказать я; я слышала только звуки, похожие на: — Гык, гык, гык.

Вселёныш прильнул ко мне. Я почувствовала, как другие дети кладут свои руки мне на плечи; их пальцы не сгибались, были просто неправильными.

— Твоя мать погибла из-за тебя, — сказал вселёныш, не меняя тона. — Твой отец умрёт из-за тебя.

Я упала на колени. Лицо-В-Полосочку опустилась следом.

— Ты маленькое самовлюблённое чудовище, — сказала она. — Все те хорошие люди погибли

из-за тебя. Просто похорони себя в какой-нибудь дыре. Так для них будет лучше.

В темноте и в холоде, когда ты устал, боишься и не можешь ни говорить, ни дышать и окружён страшилами, такие слова кажутся правдой. А если это была правда, то спорить не оставалось ни одной причины. Просто лечь и позволить монстрам завладеть тобой. В какую-то секунду мне хотелось так и поступить. Я хотела просто лечь и не двигаться. Слова были похожи на правду.

Правда были. Они звучали, словно это правда. Я чувствовала, что это правда.

Но чувства ничего ещё не значили.

Честно говоря, у чувств и у правды общего немного.

Монстры убили мою приёмную семью. Это правда.

Моя мать погибла, когда спасала меня. Это правда.

Но все те люди погибли, потому что монстры пришли и убили их. И только поэтому.

Монстры намного хуже, чем те, что сейчас окружили меня. Взрослые монстры. Монстры, которых я пережила.

Я заставила себя дышать, когда остальные начали говорить. Они все говорили мне ужасные

вещи.

И тогда меня осенило: Книга была права.

Дюжина этих существ, и они посмели выбрать самого маленького ребёнка с самым страшным прошлым, которого только нашли. Они и не пытались трясти моего папу или даже какого-нибудь взрослого неженку. Они не пытались съесть Мыша. Они пришли за самым маленьким, самым уязвимым человеком поблизости.

Потому что им было страшно.

И если они боялись, это, возможно, значило, что они сами не могли никого пугать.

— Знаете, как мне кажется? — вдруг спросила я очень чётко.

Вселёныши умолкли, ошеломлённые, когда я посмотрела на Лицо-В-Полосочку. Её чёрные глаза уставились в мои, её рот остался открыт на середине предложения.

Я прищурилась, глядя на неё:

— Мне кажется, сейчас страшной могу быть я.

И потом я выключила телефон, чтобы мы остались в полной темноте — и я запрокинула голову и засмеялась над ними.

Я никогда так не смеялась. Не то чтобы я заливалась хохотом, но в этом звуке была какая-то яростная, львиная, лучистая радость. В нём не

было злости, но я дала им понять, что меня не тронули их чёрные глаза и плохие сны. Мой голос не гремел, но смех, отражаясь от чёрных каменных стен, звенел так же ясно и чётко, как колокол.

И вселёныши закричали.

Их крики были не совсем страдальческими. У каждого была своя нота, один совершенно чистый не сбивающийся тон. Ни одна из нот не совпала с остальными — это была одна ужасная каша из звуков, будто свист паровоза в мультиках, но без радостных, мелодичных ноток в нём. Эта какофония напоминала звуки телевизора, когда Молли или Гарри входили в комнату — похожий на вопли, монотонный шум.

А потом все они разом умолкли — и осталось только моё хихиканье.

— Хи-хи-хи, — услышала я свой голос. — Ха-а-а-а. Глупые страшилы.

Я снова включила фонарик. Дети лежали на полу в изумлении. Они были моими ровесниками — более или менее — и один за другим стали садиться. Их глаза уже не были чёрными. Это были просто глаза.

Вселёныши пропали.

Остались только мы, дети.

— Что случилось? — спросил мальчик.

— Ай, — сказала Лицо-В-Полосочку и стала шмыгать носом, — мои глаза.

— Э… — сказала я; я продолжала светить фонариком им в глаза, чтобы они не могли рассмотреть моё лицо, и решила, что проще, наверное, будет сказать детскую версию правды. — Утечка газа[9]. Пошли. Надо выбираться. Тут очень опасно.

Пришлось ещё немного повешать им лапшу на уши, но в итоге я смогла вывести детей наружу. Они все были в замешательстве. Мыш ждал на том самом месте, где он остался, и теперь очень осторожно шёл рядом со мной, медленно и сосредоточенно, чтобы не сбить с ног растерянных детей.

Один мальчик сообразил сразу же пойти к охране и попросить о помощи, а мы с Мышем отправились другой дорогой. Я поняла, что улыбаюсь. Возможно, я шла слегка вприпрыжку.

Побеждать монстров даже немного весело. То есть ужасно в процессе, но когда всё кончается, то лучше, чем в играх.

Может, это ненормальное чувство. Наверно, оно у меня от папы.

Мы с Мышем вернулись в кафе, и я купила

---

[9] Примечания: 9
Отсылка к «Людям в чёрном».

победную картошку. Мыш в порыве грохнулся на брюхо под стол, радуясь, что я в порядке; и ладно. Я чуть-чуть съехала со стула вниз, чтобы посмотреть, ест ли он свою картошку.

Папа вернулся где-то через пять минут с парнем старше меня на несколько лет. Он улыбнулся мне, а я ему.

— Привет, тыковка, — сказал папа. — Это Остин. Он тоже не видел местных горилл. Давай наберём еды и вместе к ним заглянем?

— Хорошо, Папа, — сказала я.

Он моргнул, а потом расплылся в такой широкой улыбке, что я думала, у него лицо треснет.

— Гав, — сказал Мыш, виляя хвостом.

* * *

Меня зовут Мыш, и я Хороший Пёс. Все так говорят.

В моей жизни много прекрасных людей, но важнее всего для меня Мой Друг Гарри Дрезден и его дочка Мэгги. Я люблю их, люблю быть с ними рядом и люблю ходить в зоопарк.

Я там никогда не был, но по рассказам Моего Друга уже был уверен: мне там понравится.

Мой Друг и Мэгги пахли очень нервно, хоть и старались этого не показывать. Мой Друг боялся,

что не сможет стать хорошим отцом для маленькой девочки, и это было глупо — но если бы он не боялся, это был бы совсем другой человек. Она тоже расстраивалась, но по другому поводу. Она боялась, что у неё будет Паническая атака, что мне придётся ей помочь и что её отец решит, что она слабая, с проблемами, и не захочет быть ей отцом. Это тоже были глупости, но в жизни ей приходилось нелегко.

Оба они были хорошими людьми и их обоих часто неправильно понимали их братья люди.

Вы, люди, можете стать самыми прекрасными созданиями на свете — если сумеете продраться сквозь всю ту невозможную глупость, которую, кажется, носите в своих сердцах. В том нет вашей вины. Вы просто ещё не знаете, как ваши сердца устроены.

Поэтому и нужны собаки.

Хорошо, когда знаешь, зачем ты нужен.

В машине Моего Друга мы ехали в зоопарк в парке. Раньше меня сбивали с толку прогулки по парку, но потом я понял, что люди устроили много парков в своих городах, не один. Я люблю парки. Вот ещё одна причина из многих, почему люди хорошие.

Я осторожно шёл рядом с Мэгги, а она держа-

лась за мою гриву или за ручку на моей жилетке для собак поддержки[10]. Мэгги говорит, жилетка красная. Не знаю, что это значит[11], но это её любимый цвет, и я счастлив, если это так. Я не забывал махать хвостом и улыбаться. Люди маленькие, и их легко напугать, так что очень важно дать им знать о своих дружелюбных намерениях.

Как минимум до той поры, когда дружить уже нельзя.

Мой Друг и Мэгги шли вдвоём и разговаривали. Они говорили много разных слов, но на самом деле раз за разом они повторяли: «Надеюсь, я тебе нравлюсь». Глупо с их стороны было думать, что они могут не любить друг друга — но бывают вещи, которые люди долго не могут понять из-за своих неразумных сердец.

И вы тоже. Ничего. Просто заведите собаку. Собаки многому могут вас научить, когда речь идёт о вашем сердце.

Я почувствовал, как вдруг насторожилась Мэгги, и остановился, чтобы взглянуть на неё, ещё не поставив лапу на землю. Лицо у неё было напря-

---

[10] Примечания: 10
Собаки, которые поддерживают эмоционально уязвимых людей.

[11] Примечания: 11
Собаки не различают цвета.

жённым и серьёзным, и я понял, что рядом было одно из существ, которых она называла страшилами. Страшилы — дело серьёзное, угроза детям; взрослые люди их, судя по всему, совершенно не замечают. Даже мне трудно было разглядеть их, когда они были рядом. Мне нужно было подобраться к ним на расстояние прыжка, чтобы их заметить, и даже тогда я мог лишь увидеть тени и учуять холод и голод.

На этой территории не я должен был с ними драться. Я был уверен в этом от носа до кончика моего хвоста, так же твёрдо, как знал, например, данные мне силы. Моим долгом было охранять и защищать дом, а эти создания нужны были, чтобы на них упражнялась молодёжь. Люди забывали о них, взрослея, но уроки, усвоенные в столкновениях с этими хищниками, оставались на всю жизнь. Мне не следовало вмешиваться в обучение Мэгги.

Если они, конечно, не заберутся в дом. Это было бы просто неразумно.

Два ругавшихся друг с другом человека пахли застарелым табаком и плесенью, и моим ушам стало немного больно от их голосов. Они обсуждали роль США в борьбе с нищетой, необразованностью и терроризмом в странах Центральной

Африки и были заметно раздосадованы этим разговором. На них, судя по всему, завелись беглеры. Навредить они могли разве что приятной беседе.

Но совсем другое дело были двенадцать школьников, которые пахли как больные хорьки, с чёрными тенями в глубине своих глаз. Они были одержимы другими страшилами, — вселёнышами, судя по запаху — и могли серьёзно навредить Мэгги. Не физически — физически они были кучкой всё тех же детей, и если бы страшилы решили напасть в физическом плане, тот же закон, который ограничивал мои силы, позволил бы мне вмешаться. Действительная опасность, которую они представляли, была незримой и серьёзной.

Мэгги ничего мне о них не сказала. Наверно, она не хотела обращать внимание на их присутствие в такой важный день. Это было разумное поведение. Но скрытные хищники-воришки вселёныши редко вели себя разумно. Они пометили её и начали за ней следить.

Ничего хорошего ждать от них не приходилось.

Но… что-то было не так. Я хвостом чуял.

Я направил свои чувства, пытаясь обнаружить угрозу, о которой мне говорили лишь мои инстинкты, но ничего не унюхал. Человеческий

шум заглушал чуть слышные звуки, как это бывает в городе. Много людей гуляло по парку, и я не мог отслеживать передвижения.

Но столько страшил не должно было разгуливать при свете солнца. Я тратил запас энергии на двое суток, чтобы день Моего Друга и его маленькой дочки прошёл как можно лучше. Это их первый день вместе, важный день, и я изо всех сил старался отвести от них злобную энергию.

Может, это было обыкновенное невезение, и всё могло бы быть намного хуже.

А может, некая сила вступила со мной в конфронтацию.

Мой друг наклонился, чтобы потрепать мой загривок и сказать мне, как он меня любит, и это движение заставило моё сердце забиться от счастья.

Ну что же. Если кто-то думает мешать счастью Моего Друга и Мэгги, будет иметь дело со мной.

Обычно от этих мыслей я начинал вилять хвостом.

Но сегодня холодок медленно спустился вниз по моей спине.

— Эй, — сказал я выдрам (мы смотрели выдр). — Ребята, привет!

— Привет, — пробулькала выдра.

— Привет-привет, — сказала другая.

— Я устала, — сказала ещё одна, зевая.

Люди вокруг, разумеется, беседы не заметили. Люди думают, что разговаривать можно только ртом.

Я помахал выдрам хвостом, чтобы они знали, что я настроен мирно:

— Я Мыш, и это лучшая маленькая девочка на свете. Можете, пожалуйста, устроить для неё представление? Она никогда не видела выдр.

— Представление? — спросила первая выдра. — Что это?

— Поиграйте! — сказал я.

— Играть! — крикнула первая выдра и прыгнула на голову третьей.

— А-а-а-й! — крикнула третья выдра.

Первая спрыгнула, и остальные последовали за ней в воду, снова вынырнули, сделали круг и ещё один круг вокруг дерева, а потом нырнули обратно.

— Смотри, смотри! — сказала Мэгги, дёргая Моего Друга за плащ. — Ой, смотри!

Выдры забежали за камни, но прежде чем Мэгги успела попросить, Мой Друг подхватил её на руки и поднял высоко, так, чтобы она могла всё рассмотреть. Мэгги от восторга залилась звонким

смехом, и в воздухе вокруг них разливалась любовная и светлая теплота.

Я так сильно вилял хвостом, что едва стоял.

Я поговорил с малайским медведем, немного сердитым, но он был не против разодрать на части бревно, чтобы показать Мэгги, как сильны малайские медведи. Львицы лишь закатили глаза на мою просьбу изобразить охоту, но лев с удовольствием зарычал. Обезьяны принялись играть с той же готовностью, что и выдры, а павлинов мне даже просить не пришлось, чтобы они показали свои прелестные перья.

В общем, мне кажется, я постарался на славу.

Молодец, Мыш.

И потом магия, тёмная и гадкая, рябью разошлась в воздухе.

А скрыта за ней была… энергия. Та же энергия, что и у меня, но тёмная, тяжёлая и грозная, напоенная холодной и безжалостной ясностью.

Я уловил запах: далёкий аромат чего-то смутно мне знакомого. Он заставил меня думать о горах, огоньках масляных ламп и о холодных светлых небесах.

Мой Друг отозвался на появление чёрной магии. В напряжении он сканировал парк, радостная энергия вокруг него вдруг сменилась

настороженностью и инстинктивно спроецированной аурой уверенности и силы. Моего Друга не стоит недооценивать. Его сердце вполне разумно, когда нужно защитить слабого. Он почувствовал угрозу, тёмного заклинателя, и готов был с ним сразиться.

Мрачное чувство подступило к моему горлу и заставило глотку зудеть. Угроза магической природы, здесь и сейчас? Мой нос сказал мне, что кучка одержимых вселёнышами детей всё ещё шла за нами по пятам, пусть на расстоянии.

Какова была вероятность, что появится угроза сразу двум членам моей семьи, каждому отдельно? Особенно когда я задействовал свою энергию, чтобы именно такого исхода и избежать?

Что-то было не так.

Я почувствовал, как волоски у меня на спине попытались встать дыбом. Но мой красный жилет им не позволил.

Мой Друг знал, что ему нужно изучить угрозу; и это было целесообразно. Но он боялся оставить Мэгги одну. Он доверял мне, но никакие меры, не важно, насколько тщательные, не смогли бы его убедить, что с ней точно ничего не случится. Он был прав. В этом мире ни в чём нельзя быть уверенным — и раз так, зачем думать об опасности,

которая ещё даже не появилась? Мудрый принял бы те меры, которые может; встречал бы беды на подходе и был бы счастлив в оставшееся время.

Возможно, это самая грустная из глупостей человеческого сердца: сколько же счастья вы гоните от себя, чтобы подольше поволноваться. Да, я далеко не гений, но мне совершенно не ясно, что в волнении хорошего.

Мой друг поговорил со мной. Он сказал много разных слов, но его сердце говорило: «Я не хочу отпускать её даже на секунду, но я доверяю тебе безопасность моей дочери, пока буду сражаться со злом».

Я сказал ему, что буду её защищать. Он уже научился понимать такие ответы. Потом он отвёл нас туда, где пахло едой, и взял для нас с Мэгги картошку фри, чтобы мы её ели, пока он пойдёт и посмотрит, что там за опасность.

Ну разве Мой Друг не потрясающий?

Он усадил Мэгги и вышел быстрым, целеустремлённым шагом. Мне пришлось побороть желание последовать за ним, потому что в такие моменты мне хотелось пойти следом и быть ему опорой. Вместо этого я сел рядом с картошкой фри и принялся пристально за ней следить. Ну, вы знаете. На случай, если злодеи спрятались там

и попробуют напасть на Мэгги.

Не успели мы взяться за еду, один из вселённышей просто подошёл к нашему столу и стал говорить Мэгги грубости.

Нет.

В тот момент, когда вселённышей направили к нашему столу, чтобы они напали на Мэгги.

В эту секунду я почувствовал, как что-то в воздухе переменилось. Кто-то направил против нас энергию.

На улице виднелась массивная покрытая мехом фигура, частично укрытая зеленью, похожая на мою тень. Я ощущал эту тёмную ясность, потоком исходившую от неё, достаточно сильную, чтобы направить страшилу к Мэгги, подначивая его напасть.

Я почувствовал, как поднялся на ноги с рыком, клокочущим у меня в глотке.

Но Мэгги положила ногу мне на голову и надавила.

Мэгги была крошечной, даже для человека, даже своего возраста. Она была ребёнком с необычайно трезвым разумом, но помешать мне подняться и побежать она не сумела бы, даже будь она ростом с отца.

Моя Тень встретила мой взгляд спокойно, даже

самоуверенно и с издёвкой в своей позе, в том, как приподнимала свою голову. Она присела, словно охотник, готовый к прыжку.

И она пыталась навредить моей девочке.

Но я не мог бросить Мэгги. Что, если Моя Тень заставит вселёныша нарушить правила и напасть на неё физически, а меня не будет рядом, чтобы заступиться?

Поэтому я не бросился в бой. Своё дыхание я теперь тратил не на рычание, а чтобы собрать энергию, взывая к свету и тихой нежности, способным отразить чёрный лёд насланной Моей Тенью злобы.

Тёмная энергия, которая подталкивала вселёныша, откатилась назад, словно туман, расступающийся перед автомобилем, и Мэгги тут же бросила щепотку соли вселёнышу в глаза.

Тот отпрянул, — больше из-за соли, чем из-за причинённой одержимому телу боли — и я направил энергию в его сторону, убеждая вселёныша отступить. Если он оставит Мэгги в покое, я смогу вступить в прямую схватку с Моей Тенью и заставить её ретироваться. Теперь я уловил её запах, аромат её враждебности. Я мог бы последовать за ней в и сквозь любой тёмный мирок, куда она могла сбежать, и наружу.

Вселёныш ускользнул быстрее, чем его успели бы настигнуть Мэгги или моё дыхание, и я уже приготовился устранить истинную угрозу, прежде чем она устроит новое покушение на Мэгги.

Но запах… пропал.

Я снова принюхался, ещё сильнее. Это неправильно. Я хвостом чуял.

Но она исчезла.

Невероятным образом взяла и исчезла.

Хм.

Кто в этой вселенной способен на такое?

Моя Тень, судя по всему.

Когда Мой Друг вернулся, он был напряжён, подавлен и тих. Мне стало не по себе. Я видел, как он бился с кучей ужасных созданий, и редко он так из-за них переживал. Значит, человек. Монстры для него были угрозой куда как меньшей, чем люди. Он страдал.

Я подошёл бы к нему, но моим долгом было охранять и защищать Мэгги, а она по-прежнему была в опасности — когда вселёныши и Моя Тень разгуливали по зоопарку, словно бы в личных охотничьих угодьях, и Тревожность готова была её уничтожить, если меня не окажется рядом. Он был её отцом. Первой из его забот было холить её и лелеять, и я готов был помочь Моему Другу с

чем угодно. Так что я остался с Мэгги.

Ещё у неё была картошка фри.

Они поговорили ещё немного. Он рассказал Мэгги о колдунах и их опасности. Мэгги было жалко колдунов, и я знал, что Моему Другу тоже. Но она боялась кое-чего ещё — что он не захочет быть ей отцом. А он боялся, что она не захочет быть его дочерью, если он всё время будет работать.

Я сидел неподвижно, как изваяние, и дышал на них светлой энергией. Их страхи были глупыми, но опасными на этом раннем этапе их отношений. Если бы не все эти трудности, навалившиеся в этот самый день…

О.

Теперь понятно.

Все эти нападения были не случайностью, но злыми кознями.

Моя Тень пыталась помешать тому, что должно было случиться — созданию прочных уз между отцом и дочерью.

Я лежал тихо, концентрируясь на своей энергии. Не стоило в этот момент много думать о насилии. Но пока я, как мог, помогал своей семье, я ещё и стискивал свои зубы, проверяя, готовы ли они к работе.

Они были готовы.

Мой Друг, само собой, отправился спасать колдуна. Он понятия не имел, что вселёныши вообще существуют, тем более что они были рядом. Я предпочёл бы отправиться с ним; ведь колдун — дело опасное, и я мог бы оценить для него этого человека, помочь ему определиться, какой из добродетелей ему стоит придерживаться, чтобы справиться с колдуном — милосердия или же решимости. Я мог предупредить, защитить его.

Но только оставив Мэгги уязвимой для круга голодных вселёнышей, поджидающих у кафе.

Мэгги дождалась, пока Мой Друг не уйдёт быстрым шагом, прежде чем встала и повернулась ко мне:

— Ты же знаешь, я должна. Тебе нельзя переходить черту.

Я помнил не хуже неё, что написано в Книге. Я знал её рекомендации относительно сражения с вселёнышами, и доводы в ней были крайне разумны. Зло, если не дать ему бой, становится лишь сильнее. Но чтобы это сделать, ей придётся остаться с ними лицом к лицу — совершенно одной. Я не смогу защитить её от вселёнышей и их ужасных мыслей. Ей придётся сразиться с ними, и пусть злу в любом случае следовало дать

бой, победу никто не гарантировал.

Это был её путь. Она должна была его пройти. Но…

Её могут ранить. Возможно, даже уничтожить.

Моя безупречная Мэгги, лучшая маленькая девочка на свете, могла на веки быть потеряна для всех, кто любит её.

Я издал тихий, грустный звук и нежно поцеловал её в лицо.

— Фу, — сказала она, но имела в виду что-то ещё. Она зарылась лицом в мой мех. — Я тоже тебя люблю, Мыш.

Моё сердце забилось быстро, когда несложная, хрупкая, сокрушающая сила этой любви захлестнула меня.

Я ещё раз попробовал на человеческом языке сказать ей, что люблю её, и снова изо рта у меня вырвались только неразборчивые звуки. Я вздохнул. Она знала.

Мы вышли из кафе, направившись прямо к поджидающим нас вселёнышам. Мэгги уже догадалась, кто у них в стайке был лидером, и посмотрела девочке в лицо с прямой спиной и ясным взглядом:

— Эй ты, Рожа Внеземная.

Вселёныши таращилась на неё своими пусты-

ми глазами и чувствовали, как злая сила вдруг разлилась в воздухе, когда они вытянули на поверхность ужасные воспоминания о времени, которое она провела среди порочных, жестоких и так приятно мёртвых вампиров Красной Коллегии.

Некоторые воспоминания могли её убить, воспоминания, о которых она даже не знала.

Лишь во сне они выплывали на поверхность.

Я видел, как она стала бороться с образами и потом отмахнулась от них усилием воли, потребовавшим от неё поразительного напряжения. Она стиснула зубы и медленно повернулась вокруг своей оси. Она была на голову ниже каждого из одержимых детей, но каждому из них она посмотрела в глаза, прежде чем сказала спокойным голосом:

— Как же вы меня бесите. Пошли уже разберёмся.

Вместе мы развернулись и направились к ближайшему тёмному и страшному месту, и вселёныши последовали за нами.

По дороге мои инстинкты снова напомнили о себе. Моя Тень была рядом.

Кем бы ни было это существо, оно умело не выдать себя ни запахом, ни движением. Оно,

предположил я, будет полагаться в основном на свои способности, привыкло, что жертва его не замечает. Оно показалось мне самоуверенным, насколько можно было это уловить, бросив беглый взгляд. Я решил довериться и этому инстинкту. Так что я не стал готовиться к бою, а лишь шёл рядом с Мэгги, будто бы не замечал угрозы вовсе.

Вместе мы вошли в здание, пропитанное застарелыми запахами хищников, и внутри обнаружили лестницу, ведущую вниз, к тьме и страху, способным выманить вселёнышей, заставить их покинуть защищавшие их детские оболочки и быть уничтоженными.

Если она сумеет. Они сделают всё, чтобы изорвать на клочки её сердце, чтобы она бессильно лежала на земле — плоть, которую можно присвоить.

У самого начала лестницы Мэгги повернулась ко мне и сказала:

— Не бойся. Всё под контролем.

Моя Мэгги умная, сообразительная и храбрая, но она всё равно сказала неправду. Она не знала, сможет ли.

Но если бы она была уверена, для неё не вышло бы испытания.

И потом я вновь это ощутил — аромат чёрного льда, пульсацию жестокой энергии, наплывающей, будто дымка, поглотившая вселёнышей за нашими спинами. Я мог расслышать тёмный шёпот мыслей, скрытых за этой энергией, окутавшей вселёнышей, будто туман.

Убейте дитя.

Я видел, как вселёныши в хвосте группы, ближе всех стоявшие к источнику тёмной энергии, сжали кулаки и полезли в карманы за предметами, которыми могли бы бить и кромсать.

Приступ внезапного гнева захлестнул меня. Моя Тень была созданием зла, и немногих я встречал ему подобных. Оно пыталось заставить вселёнышей нарушить природой данный Закон и физически напасть на маленькую девочку. Конечно, в этом случае я мог вмешаться — но мне пришлось бы ранить невинных детей, чьим единственным проступком была неподготовленность, неумение встретить в бою опасности из мира духов, которых они, вероятно, и вообразить себе не могли.

Мой самый низкий рык загрохотал у меня в груди и вырвался наружу вместе с моим дыханием, начиная рассеивать эту тёмную энергию, а вместе с тем он служил вселёнышам предосте-

режением.

Вес маленьких человеческих тел уже начал перемещаться вперёд, но они вернулись в прошлое положение, услышав мой рык. Секунду мне казалось, что они не выдержат и оставят Мэгги в покое — но их лидер, девочка с полосами от слёз на лице, повернулась ко мне и усмехнулась.

— Страж, — сказала она. — Ты знаешь Закон. Это наше право.

Мой рык стал ещё ниже. Мне нужно было быть к ним ближе, чтобы защитить их от влияния Моей Тени. Медленно я стал шагать, вкладывая ещё больше дыхания в своё рычание, пока не оказался прямо перед вселёнышем, почти заглянув ему в лицо. Теперь я всерьёз принялся вырабатывать свою энергию. Излишек силы прыгал по кончикам моих волос, мерцая, как голубые звёздочки, и тёмная энергия вновь отступила перед светом.

Вселёныш даже не понял, что происходит. Он решил, что я ему угрожаю.

— Я знаю Закон. Должен знать и ты, — он указал детским пальцем мимо меня, на Мэгги. — Это моя добыча. С дороги.

Зарычав всего раз, я мог бы обратить этих созданий в бегство, но я лишь заставил бы их рассеяться. Они всё равно продолжили бы своё

преследование позже.

— Мальчик, всё хорошо, — сказала она. — Всё под контролем.

Я посмотрел на неё и замолчал.

Дитя готово было спуститься во тьму с дюжиной хищников, прекрасно понимая опасность, с которой она столкнётся — и так же прекрасно зная, что победа ей не гарантирована. Её сердце стучало, глаза были слегка расширены, но она прочно держалась на ногах, и на лице у неё было упрямое спокойствие.

Когда речь шла о храбрости, сердце Мэгги было очень даже разумным. Она решила, что будет вершить свою судьбу в этой схватке.

Пусть будет так.

Я низко склонил перед ней голову в жесте уважения. По крайней мере, я мог охранять её, чтобы никто не помешал её сражению. Я прошёл мимо вселёнышей, накопленным у меня в шерсти избытком энергии касаясь детей, ещё чувствующих влияние тьмы; смывая её прочь. Я подошёл к двери, в которую придётся пройти Моей Тени, если она решит вмешаться, и уселся рядом, чтобы ждать.

Мэгги мгновение глядела на меня. Потом она вынула телефон из кармана и, не оглядываясь

назад, спустилась во тьму.

Одержимые вселёнышами дети отправились следом. Последний из них закрыл дверь.

— Может, уже покажешься? — спросил я.

Повисла тишина, а потом во тьме лестничной клетки надо мной что-то зашевелилось и возникло на площадке.

Моя Тень.

Я с силой выдул из пасти струю воздуха, похожую на ветер, уносящий туман. Спал покров теней и темноты, и в одном длинном прыжке от меня был…

Я.

Он был небесной гончей, как и я, пусть в шерсти у него были видны широкие практически чёрные полосы. В особенности его грива была пышной и тёмной, она придавала ему угрожающий вид. Размерами он был не так велик, как я, с лучше проступающим рельефом мышц и со шрамами, белыми проблесками рассыпанными у него в шерсти. Всё в нём говорило, что жизнь его была нелёгкой.

— Брат, — прорычала Моя Тень.

Я сделал вдох, и его запах наполнил мой нос и оживил в моей памяти прекрасные, незатейливые картины тех самых дней, когда я помещался

Моему Другу в карман. Фигуры в тёмных мантиях, мужчины и женщины, забрали меня у монахов монастыря. Они унесли всех нас, моих братьев и сестёр, в средоточие тёмной силы и окружили нас холодными каменными стенами, тёмными заклятиями и бдительными демонами.

Пока не пришёл Мой Друг. Он проскользнул внутрь, когда люди в чёрных одеждах ненадолго отлучились. Он сразился с демонами и спас меня, моих братьев и сестёр.

Но он не спас всех.

Наши похитители оставили без присмотра некоторых из нас лишь затем, чтобы унести мою родню, мальчика и девочку. С тех пор я ни разу не слышал запахов моих брата или сестры.

До сегодняшнего дня.

Я слегка наклонил голову в сторону Моей Тени и отвесил ею короткий и вежливый поклон:

— Я едва узнал тебя.

— Мы были щенками, — сказал он.

— Мы выросли.

— Я вырос, — сказал он. — Ты…

Его губы скривились презрительно, обнажая клыки.

— Ты только отъелся.

— Мне нравится еда, — сказал я.

— Ты толстый.

— И очень счастливый, — сказал я. — А ты счастлив?

Он снова оскалился:

— Что это вообще за вопрос?

— О! Я тоже люблю философию, — сказал я ему. — За этим ты пришёл? Поговорить о смысле жизни?

— Я пришёл, — ответил он, — чтобы всё было так, как я того желаю.

Я зарычал на него, но с нежностью.

— Брат, — сказал я, — в этом мире у нас иное предназначение.

— Иное предназначение было нам уготовано, — огрызнулся он. — Для другого нас вывели. Чтобы мы стали рабами.

— Нас создали быть собаками, — сказал я так нежно, как только мог. — Любить. Показывать любовь другим. Быть защитниками. Быть примером.

— Ты говоришь, но в словах твоих нет смысла, — сказала Моя Тень. — Ты бесхребетный. Но по крайней мере ты сам выбрал свой путь, а не склонился перед нашими хозяевами.

— Мастер Вон показался мне очень добрым человеком, — сказал я.

— Он был глупцом, — ответила Моя Тень. — Ты стоишь у меня на пути, брат. Так не пойдёт. С дороги, или я тебя убью.

Я почувствовал, как мой хвост пронёсся по полу с быстрым шорохом, и я зевнул:

— Полагаю, прежде чем это случится, я ещё успею показать свои зубы.

Моя Тень оголила клыки и сделала шаг, в своём рычании испуская тьму, которая пенилась и кипела в её пасти:

— Услышь меня. Я дам тебе ещё один шанс, ибо мы кровь от крови. Оставь этих жалких смертных, идём со мной. Великие дела ждут свершения. С твоими силами нам будет куда проще.

— Ждут свершения? — спросил я. — Кто так говорит? Серьёзно.

— Не смейся надо мной, — прорычала Моя Тень.

— Привычка. Понятия не имею, откуда она, — ответил я; я медленно поднялся на ноги. — Я просто пошутил. Не хотел тебя оскорбить. Прошу прощения за это недоразумение.

Моя Тень так на меня смотрела, будто не понимала, как ей отвечать.

Перед ним, возможно, впервые кто-то извинился.

— Теперь послушай меня, брат, — нежно сказал ему я. — Не пытайся больше навредить моим людям. Оставь этот город. И не возвращайся.

— А то что? — спросил он.

— Ничего, — спокойно ответил я. — Ты исчезнешь, в любом случае. Вопрос один: ты сделаешь это по-хорошему, или придётся показать тебе на выход.

Несколько ударов сердца Моя Тень раздумывала над моим ответом, застыв, как изваяние, не спуская с меня глаз. От этого было как-то неуютно. Я вдруг вспомнил, что ни разу не смог забороть брата, когда мы были маленькими.

Разумеется, я был уже не маленьким.

Я успокоил дыхание, собирая силу, напрягая мускулы.

И тут где-то неподалёку я ощутил удар столкнувшихся магических сил. Долю секунды спустя были второй удар и потом третий с таким крохотным промежутком между ними, что для человека все они слились бы в один.

— Я целыми днями заряжал энергией этого колдуна, брат, — сказала Моя Тень очень довольным голосом. — Демоны, которых притягивает его аура, не то чтобы очень сильны. Но, как бывает, твоему хозяину придётся биться как раз

на той территории, где ему сложнее всего будет справиться с каждым из них. Сегодня удача ему не улыбается.

Я взлетел на ноги, рыча, язык вырывался у меня из пасти в промежуток между зубами:

— Что тебе нужно от Моего Друга?

— О, ну брось, — голос Моей Тени был полон презрения. — Ты такой же, как все остальные. Его раб. Такие мелочи меня не интересуют. Мне наплевать на твоего сокрушённого волшебника.

Я прищурился:

— Ребёнок.

— Меня интересует будущее этой девочки, — сказала Моя Тень. — Интересует и моих партнёров.

— Я не позволю тебе навредить им.

— Ты не сможешь мне помешать, — сказала Моя Тень. — Выбирай, раб. Волшебник или девочка.

Я склонил голову набок и сказал:

— Ты, видимо, не смотрел Тёмного Рыцаря[12].

Он замолчал. Наклонил голову и сказал:

— Что?

Я опустил голову и позволил рычанию вы-

---

[12] Примечания: 12
Фильм франшизы Бэтмен.

рваться из моей груди:

— Ты не одного из них хочешь уничтожить. Тебе нужны оба. Ты хочешь, чтобы я побежал, поступил не так, как мне следует поступить.

— И как же? — усмехнулась Моя Тень.

Я взревел, наполнив воздухом грудь и энергией тело, бросился вперёд и вверх по лестнице прямо на него, вдруг озаряя тёмный коридор звёздной лазурью.

В чём-в чём, но в беспечности Мою Тень обвинить было нельзя, и всё-таки он искренне не ожидал, что бой сейчас начнётся. Не совсем честный способ напасть. Но не стоит забывать — меня вырастил волшебник. В бою я пользуюсь любым преимуществом.

Я врезался своим плечом в плечо Моей Тени. Он был слишком быстрым, чтобы его можно было сбить с ног, но он вклинился в бетонную стену позади, оставив в ней сетку длинных трещин. На долю секунды удар его оглушил, и я запустил клыки в гриву его волос. Он изогнулся и не дал нащупать его шею — только мех и дряблую кожу. Но и этого было достаточно, чтобы схватиться и швырнуть его в дверь, которая вела наружу.

Моя Тень упала на пол, покатилась, влетая на затопленную лестницу, которая вела на первый

этаж. Я снова ринулся на него, но он поднырнул под меня, и я врезался в бетон лестничной клетки. Его когти зацепили мои грудь и живот, пуская кровь, когда он взобрался выше и подпрыгнул, ударяя отвесную стену и перепрыгивая всю затопленную лестницу; его лапы оставили на стене шлейф тёмной энергии, который быстро побледнел.

Своим дыханием я призвал энергию и оставил отпечатки своих лап, сотканные из света лазурных звёзд, когда ударил ими стену в том же самом месте и прыгнул вслед за ним.

Я не долетел, и мой живот ударился о бетонную стену на самом верху. Мне пришлось вцепиться когтями в землю и втащить себя наверх одними передними лапами, карабкаясь задними, и когда я выбрался, Моя Тень была уже в пятидесяти ярдах[13] впереди и набирала скорость.

Что тут сказать. Он был слегка, э… изящнее меня. Я же говорил, я для всех Хороший Мальчик, а это всегда угощения. Но может быть, я больше времени стану уделять физкультуре, когда всё будет позади.

Я ринулся следом, и Моя Тень с тропинки ки-

---

[13] Примечания: 13
— 46 метров.

нулась вглубь парковой зелени. Там почти негде было прятаться, но каким-то образом он оставался практически невидимым. Даже бросившись в погоню, я чувствовал, как рассеивается его присутствие, и я с удвоенным старанием стал вырабатывать энергию, чтобы ускориться и сократить дистанцию, пока он не исчез во второй раз.

Уже совсем скоро я стал наступать ему на пятки, мешая ему скрыться. Я готов был схватиться зубами за его хвост, когда он бросил попытки исчезнуть с помощью своей энергии и задействовал её, чтобы забросить себя на дерево, где его было не достать, потом перепрыгнул на другое дерево, зигзагом ныряя дальше в зелёные насаждения. Я следовал за ним неустанно, полагаясь на твёрдую почву под ногами и силу моего дыхания как на источники моей скорости, вновь врезаясь в него в густых кустах, куда уже нельзя было заглянуть со стороны зоопарка.

На самом деле, лучше места для ловушки было не придумать.

Я так сосредоточился на преследовании, что едва ощутил демонов колдуна, прежде чем попался на их когти и клыки. Они были невелики, наверно, в три раза меньше меня — но у них были

до ужаса широкие пасти и острые когти вкупе с коренастыми и очень сильными телами. Тот, что оказался ближе, врезался своей челюстью мне в спину чуть выше хвоста, и лишь отчаянным перекатом я помешал ему укусить. Его зубы скользнули по моему бедру, рассекая плоть и причиняя горячую, ослепительную боль.

Второй демон просто стиснул мою переднюю лапу своими длинными когтями со всей их зубчатой остротой и ужасающей силой. Я издал рёв страдания и закружился, чтобы нащупать его глотку — и лишь затем, чтобы Моя Тень врезалась мне в плечо своим плечом, и я растянулся на брюхе.

Демоны воспользовались этой возможностью со сверхъестественной жадностью, прыгнув на меня с клыками и когтями наизготовку, пока я отчаянно пытался защититься.

И что ещё хуже — третий демон под влиянием тёмной энергии кинулся в кусты.

— Пока-пока, брат, — сказала Моя Тень; его голос сочился удовлетворением. — Три демона наверняка прикончили бы твоего волшебника, но и одной твари, думаю, хватит — если удача ей улыбнётся.

И он повернулся, исчезая в кустах, я тут же

потерял его энергию.

Я взревел, и в чём-то этот звук был похож на рычание льва, которого мы слушали сегодня, разве что моё рычание было наполнено светлой энергией. Эта сила, сконцентрированная в одной точке, врезалась в фальшивую плоть демонов, словно струя пескоструйного аппарата[14], обрывая верхние слои тел, созданных ими из энергии, чтобы жить в мире смертных. Сила удара отбросила их, и я воспользовался моментом, чтобы схватить одного из них за горло и трясти — древняя техника моего народа. Я махнул им из стороны в сторону один раз, два, три. С приятным ощущением шея демона хрустнула, и вдруг он исчез, а мой рот был наполнен едва осязаемым безвкусным желе — эктоплазмой, из которой демоны строили себе смертные тела.

Но в это время мне на спину запрыгнул другой демон. Когти погрузились в мои плечи и бёдра, а смертоносные челюсти щёлкали у самой моей шеи. Из глубины моего живота поднялся чистый ужас вместе с первобытным чувством боли.

Я не позволил этим челюстям схватить меня — я проломился через кусты и спиной кинулся

---

[14] Примечания: 14
Аппарат промышленной очистки.

на ближайшее дерево, впечатывая демона в его ствол. Я услышал, как люди закричали и стали разбегаться, когда, уже не скрытое стараниями Моей Тени, всё предстало ясно перед их глазами.

Ой. Плохой пёс, Мыш.

Демон издал квакающий вопль, но лишь крепче стиснул когти. Поэтому я ударился о дерево ещё раз, оглушая его. Потом, ещё раз задействуя энергию в моём дыхании, я прыгнул на один ствол, потом на другой, а потом вверх, к самому небу. Иногда, когда мы с Моим Другом ездили на природу, я прыгал над озером — просто узнать, как высоко я могу подлететь. Мой рекорд был где-то двадцать футов[15].

Конечно, тогда я не был так напуган. Сейчас вышло скорее тридцать. И приземлился я на спину.

Раздался хруст, и вдруг когти пропали, а моя спина оказалась измазана эктоплазмой.

Облегчением, что с угрозой моей жизни было покончено, наслаждаться не осталось времени. Моя Тень была рядом, ещё в работе, и я не мог её почувствовать. И пусть. Я знал, куда он направился. Он пустит энергию в ход против Моего Друга, даст третьему демону смертельное преимуще-

---

[15] Примечания: 15
— 6 метров.

ство — неожиданность. Мне нужно было лишь отыскать Моего Друга, и я найду Мою Тень…

Или, быть может…

Моя Тень постоянно пыталась обвести меня вокруг пальца. Каждое его действие что-нибудь о нём говорило. Он оставался в тени, влиял на события, не показываясь при этом на глаза. Угрожая близким мне людям, он настроил меня погнаться за ним и привёл меня в ловушку, где я едва не погиб, ему самому опасность при этом почти не угрожала. Он даже не пытался драться со мной, пока численный перевес не оказался на его стороне: я был один против троих.

Моя Тень не станет подставляться под удар такого противника, как Мой Друг, пока у него есть выбор. Он к этому не привык.

Он выберет себе слабую жертву.

Он отправился за Мэгги.

Я повернулся и бросился бежать обратно, к ней; я мчался по дорожкам зоопарка, словно серая с серебристо-голубым комета, рассекая море людей, пролетая над урнами и скамейками, и в общем вёл себя так, что в любой другой ситуации заработал бы неодобрительный взгляд от Моего Друга.

У меня не было выбора. Моя Тень вернётся к Мэгги, но сделает это скрытно, перемещаясь меж-

ду деревьями и участками зелени. Единственным моим шансом успеть к моей девочке раньше был короткий путь, прямая линия, а значит, нужно было двигаться в открытую.

На бегу я отслеживал третьего демона, приближающегося примерно к той области, куда Мой Друг отправился сражаться с колдуном. Я ничем больше не смог бы ему помочь. Мне придётся довериться удаче, Всевышнему, Королеве Мэб, Одину и остальным дружественным Силам, которые могли бы проследить, чтобы с Моим Другом всё, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, было хорошо.

— Aparturum, — прогремел заклинательный голос Моего Друга в районе нескольких сотен ярдов[16] от меня, и я ощутил всплеск магии в отдалении.

— Instaurabos! — вновь прокричал он, ещё всплеск, и я просто перестал чувствовать третьего демона, так быстро и аккуратно, будто его положили в банку.

Моё сердце подпрыгнуло, а скорость увеличилась.

И когда Моя Тень оказалась у входа на нижний

---

[16] Примечания: 16
В 150–200 метрах и больше.

этаж, я был там.

Ждал его.

Оскалившись.

Он остановился, уставившись на меня. Мы оба тяжело дышали, но владели своим дыханием, с его помощью собирая энергию.

— Умно, — сказал он.

— У меня это бывает, — ответил я.

— Ты истекаешь кровью, — заметил мой брат. — Ослаб. Я мог бы тебя убить.

— Скорей же, — сказал я, — сделай это.

Эти слова заставили его склонить голову набок.

— Я истекаю кровью, — сказал я, — слабее, чем мог бы быть и уже устал после боя. Если предположим, что наши силы почти равны, теперь у тебя должно быть преимущество. Но это не так. Потому что кое о чём ты забыл.

— Хм? — спросила Моя Тень.

— Я могу победить, даже если погибну, — сказал я.

Он показал мне зубы, ухмыляясь:

— Ты, мой жирный, счастливый младший братец, говоришь мне, что не хочешь выжить?

— Выжить будет недостаточно, — сказал я. — Я хочу жить. И лучше уж жить, пока я забираю тебя

с собой на тот свет.

— Если сможешь, — сказал он.

— Если забуду о собственном выживании, в битве у меня появится масса новых возможностей, брат. Ты так в себе уверен?

— Если забудешь, — прорычал он.

— Но вопрос не в том, смогу я так поступить или нет, верно? — заметил я. — Вопрос в том, веришь ли ты моим словам. Вопрос в том, действительно ли я готов пожертвовать жизнью ради неё, — я поднялся, потрясая своей гривой, рассыпая частицы светлой энергии размером с пылинку. — Я люблю этого ребёнка. И если сделаешь ещё хоть шаг, я с удовольствием погибну, чтобы своими зубами вынуть твои потроха.

Секунду Моя Тень стояла и глядела на меня.

— Почему? — наконец спросил он.

— Потому что она поступила бы так же, — сказал я.

Мы молча смотрели друг на друга.

— Ты в них ошибся, — наконец сказал он. — Им плевать на тебя. Не так много ты для них значишь.

— Ошибся один из нас, — сказал я. — Хочешь погибнуть, чтобы узнать, кто?

Он ничего не ответил.

А потом… смех.

Далёкий смех долетел до нас с нижних подвальных этажей. Моя Мэгги громко смеялась, звук шёл прямо у неё из живота, весёлый и сильный. Несколько секунд спустя мы услышали, как — едва уловимо — в отчаянии кричали вселёныши.

Миг Моя Тень переваривала в голове победу Мэгги, а потом его поза изменилась, стала не такой агрессивной.

Я остался в той же стойке, не расслабляясь. Движения моего брата были неочевидны. От него в любой момент стоило ждать опасности.

— Что же, — прогрохотал он. — Видимо, твоя взяла.

— Может, не моя, — сказал я. — Может, и ты победил. Идём со мной. Твоя сила велика. Ты можешь принести много добра. Ты будешь любим — и картошка фри к твоим услугам.

Моя Тень лишь покачала головой холодно.

— Как в такую маленькую тушку помещается столько невежества? — он повернулся и пошёл прочь. — Пока, братец.

— Брат, — сказал я тяжело.

Он остановился, навострил ухо, не оборачиваясь.

— Ты ничего им не сделал. Ты уходишь. Как я

и говорил.

Волосы у него на спине встали дыбом.

— Вспомни третье, — сказал я. — Не возвращайся. Или мы узнаем ответ на наш вопрос.

Моя Тень ответила мне спокойным взглядом через плечо.

И затем он пропал, туда, откуда явился.

Мэгги освободила детей из подвала, и когда мы вышли на улицу, где человеческие службы могли о них позаботиться, мы поспешили обратно, в кафе. Эта трата энергии вкупе с напряжением от битв, погонь и ранений полностью меня вымотала. Мой мех сумел закрыть мои раны и остановить кровотечение. Всё заживёт в считанные дни. Я знал, со мной всё будет хорошо — но мне хотелось лишь свалиться в каком-нибудь прохладном местечке и вздремнуть.

Но долг мой оставался прежним. Поэтому, как бы мне не хотелось спать, я сел под стол, внимательно изучая обстановку, охраняя Мэгги, пока не вернулся Мой Друг.

Он вошёл в кафе вместе с колдуном по имени Остин. Остин так пропитался тёмной энергией, что я почти видел её, намазанную на него, будто сажа.

Я вздохнул. Я устал, но у меня была работа.

Своим дыханием я призвал ещё больше энергии и дал ему лапу, пока Мой Друг набирал на всех еды. Потом я улёгся у его ног и дышал на него нежной энергией, стирая тьму, которой заслонил ему глаза мой брат.

В конце концов мы все оказались в машине Моего Друга. Я сидел на заднем сиденье вместе с Остином, который навалился на меня и просто-напросто уснул.

— Что с ним будет, папа? — спросила Мэгги.

Мой Друг улыбнулся и погладил её по руке. В его ладони уместилось бы четыре её ладошки:

— У нас он выспится, примет душ — всё в этом духе. Потом, когда он будет готов, мы с ним пойдём поговорим с его родителями. Я научу его основам, как не терять контроль над своими силами, и потом посмотрим, что он решит.

— Ты на его стороне, — осторожно сказала Мэгии. Но, мне кажется, эти слова шли от чистого сердца.

— Да, — просто ответил Мой Друг.

Мэгги крепче сжала его руку.

Я устал. Но я подался вперёд и поцеловал его в ухо.

— Фу, — сказал мой друг, улыбаясь. — Мерзость.

Но это значило «Хороший Пёс».